

АНДРЕЙ ГРАЧЁВ

ДРАКОН,
КОТОРОМУ
НЕЛЬЗЯ ЖЕЛАТЬ

Андрей Грачёв

Дракон, которому нельзя желать

<https://litres.ru/74434689>

Аннотация

— Не бойся. Если я коснусь тебя, ты умрёшь быстро, — сказал мне дракон.

Хорошее начало знакомства, правда?

Я всего лишь принесла платье в покои его невесты. Не должна была видеть, как прославленный князь-дракон стоит над мёртвой девушкой и смотрит на свои руки так, будто ненавидит их больше всего на свете.

Я должна была закричать. Позвать стражу. Убежать.

Но он коснулся меня.

И я выжила.

Теперь вся Империя считает меня его избранной. Жрецы требуют свадьбы. Совет требует наследника. Его враги требуют моей смерти.

А сам дракон требует только одного:

— Не подходи ко мне ближе, чем на три шага. Я не умею быть нежным.

Жаль, что я никогда не умела слушаться приказов.

Содержание

Глава 1. Женщина, которая вошла не туда	4
Глава 2. Не подходи, если хочешь жить	33
Глава 3. Изъян генерала	69
Глава 4. Договор вместо казни	97
Глава 5. Комната рядом с его спальней	135
Глава 6. Три двери до дракона	165
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Глава 1. Женщина, которая вошла не туда

Глава 1. Женщина, которая вошла не туда

В доме Рейнара Ардена пахло не богатством, хотя богатства там было столько, что любая девчонка из Нижних кварталов могла бы ослепнуть от одного только вида резных дверей, тяжёлых штор, бронзовых светильников и ковров, по которым жалко было ходить даже в чистой обуви. В доме генерала пахло железом, горячим камнем и чем-то ещё - терпким, сухим, почти звериным, будто где-то в глубине особняка держали не человека, а огромное существо, слишком долго запертое под землёй. Я заметила этот запах сразу, едва переступила порог чёрного служебного входа и оказалась в узком коридоре для прислуги. Там не было ни золота, ни парадного великолепия, ни портретов предков в драконьих доспехах, о которых так любили судачить на рынке. Там были только тёмные стены, каменный пол, ряд одинаковых дверей и молчаливая женщина в сером платье, которая шла впереди так быстро, словно боялась задержаться в этом крыле дольше необходимого. Она не оглядывалась, но я видела, как напряжены её плечи. В большом богатом доме прислуга обычно делала вид, что видит всё и не боится ничего. Здесь же все, кажется, делали вид, что ничего не видят, потому что

боялись слишком многого.

Меня звали Мира Вельс, мне было двадцать три, и я не принадлежала к числу женщин, которых звали в такие дома через парадную дверь. Если богатые господа нуждались в лекаре, они посылали карету за господином Лауром, моим наставником, а если господин Лаур был пьян, болен, зол на весь свет или занят пациентом с более щедрым кошельком, вместо него шла я. Не лекарь, нет. Помощница. Девушка, которая могла держать таз, промывать рану, различать запах заражённой крови, варить настои и молчать, когда знатные люди в горячке говорили то, за что бедным отрезали языки. Меня этому научили рано. В Нижних кварталах молчание было таким же ремеслом, как штопка, торговля хлебом или воровство на перекрёстке. Но в тот день, когда меня привели в дом генерала Ардена, я впервые подумала, что молчание бывает не спасением, а ловушкой. Потому что с каждым шагом по коридору мне всё яснее казалось: меня сюда позвали не для того, чтобы я кому-то помогла. Меня сюда позвали потому, что настоящего лекаря рядом не оказалось, а кто-то в этом доме боялся ждать.

Женщина в сером остановилась у поворота и наконец посмотрела на меня. Лицо у неё было гладкое, старшее, с той выученной бесстрастностью, которую богатые дома прививают прислуге лучше монастырских наставников. Но глаза её жили отдельно от лица. Они быстро скользнули по моей накидке, по потёртой сумке с травами, по рукам без перча-

ток, по простому платью, застёгнутому до горла. Взгляд был не презрительный, как я ожидала, а почти жалостливый. От этого стало хуже. Презрение я понимала. Жалость в таких местах обычно появлялась перед тем, как тебя отправляли туда, откуда не возвращались.

- Господин Лаур не пришёл, - сказала она тихо, будто это было не объяснение, а обвинение, которое почему-то предъявляли мне. - Нам передали, что вместо него будете вы.

- Господин Лаур передал, что у вашего пациента жар, судороги и ожоги неизвестного происхождения, - ответила я, стараясь говорить ровно. - Если он соврал, можете спорить с ним утром, когда он протрезвеет. А сейчас я здесь.

Женщина чуть дёрнула уголком губ, но улыбкой это назвать было нельзя. Она снова двинулась вперёд. Мне пришлось ускорить шаг, чтобы не отстать. Сумка била по бедру, внутри звякали склянки, в груди неприятно стучало сердце. Чем дальше мы шли, тем теплее становился воздух. Не просто душнее - именно теплее, как в пекарне перед рассветом, когда печи уже раскалены, а хлеб ещё не вынули. Где-то за стенами глухо стонал металл. Сначала я решила, что это трубы или замки, потом поняла: цепи. Тяжёлые цепи. Их тянули, отпускали, снова тянули, и камень отвечал низким дрожанием.

- Кто пациент? - спросила я.

Женщина не остановилась, но её пальцы сжались на связке ключей так крепко, что костяшки побелели.

- Вам не нужно знать имя.

- Мне нужно знать, человек это или нет, - сказала я, прежде чем успела прикусить язык. Богатые не любили, когда бедные шутили, а я шутила особенно плохо, когда мне было страшно.

На этот раз она всё-таки оглянулась. В её взгляде не было ни смеха, ни раздражения. Только предупреждение.

- Здесь все люди, госпожа Вельс. Некоторые просто дороже остальных.

Я могла бы промолчать. Должна была промолчать. Но мой язык всегда считал себя храбрее головы.

- Дороже - значит, кровоточат золотом?

Женщина отвернулась. И, кажется, впервые за всё время её плечи немного опустились.

- Дороже - значит, если они умрут, вместе с ними могут умереть те, кто стоял рядом.

После этого мы почти не говорили. Коридор закончился лестницей, лестница - ещё одним коридором, шире и богаче прежнего. Здесь уже были ковры, резные колонны, ниши с высокими узкими вазами и тёмные зеркала в серебряных рамах. Но богатство казалось не украшением, а маской, натянутой на рану. За закрытыми дверями шептались слуги. Кто-то резко умолк, когда мы проходили мимо. В одном месте на полу я заметила тёмное пятно, плохо отмытое от камня. В другом - следы копоты вокруг дверной ручки, будто кто-то взялся за металл раскалённой ладонью. Я уже не спраши-

вала, потому что ответ начал складываться сам, и он мне не нравился. Жар, ожоги, серебряные ключи, цепи, слуги, которые не смотрят в сторону хозяйского крыла. В Империи было не так много людей, ради которых могли поднять ночью весь дом, но спрятать их болезнь даже от собственного лекаря. Ещё меньше было тех, чьё тело могло греть камни сквозь стены.

Женщина в сером остановилась у высокой двери из тёмного дерева. На двери не было герба, но он и не требовался. Даже я, девчонка из Нижних кварталов, знала знак рода Арденов: дракон, свернувшийся вокруг меча, и раскрытая пасть, из которой вместо пламени выходила корона. Здесь этот знак был вырезан не на двери, а на бронзовой пластине у косяка, почти незаметно, словно хозяин не нуждался в напоминании, кто он. Или, наоборот, не хотел видеть это слишком часто.

- Вы войдёте внутрь, - сказала женщина. - Подождёте у ширмы. Ничего не трогайте. Ни к кому не подходите, пока вам не прикажут. Если услышите крик, не бегите. Если увидите огонь, не кричите. Если господин скажет выйти - выйдете сразу. Если господин скажет молчать - будете молчать.

- А если господин скажет умереть? - спросила я.

Она посмотрела на меня уже без жалости. Устало.

- Тогда постарайтесь умереть тихо.

И ушла.

Я осталась перед дверью одна, с сумкой лекарственных трав,

в платье, которое утром показалось мне достаточно чистым для знатного дома, а теперь выглядело так, будто я притащила на себе всю грязь своего квартала. Несколько мгновений я просто стояла и слушала. За дверью шумела вода. Нет, не вода - пар. Глухой, влажный, тяжёлый звук купальни. Снова зазвенела цепь, и по позвоночнику у меня прошёл холод, хотя воздух вокруг был горячим. Я подумала о господине Лауре, который лежал сейчас, наверное, на своей лавке, укрывшись старым плащом, и не подозревал, что отправил меня в пасть дракона. Потом подумала о деньгах. За ночной вызов в такой дом платили столько, сколько я иногда не зарабатывала за месяц. Потом о матери, которой нужны были лекарства для суставов. Потом о долге за комнату. Потом о том, что здравый смысл всегда приходит позже голода.

Я толкнула дверь.

В комнате оказалось темно и жарко. Сначала я увидела только пар, густой, белёсый, подсвеченный снизу рыжими отсветами. Он клубился у пола, лез к потолку, скользил по мраморным стенам, обволакивал высокие колонны и тяжёлую бронзовую ванну в центре. Я сделала шаг внутрь и сразу почувствовала, как влажное тепло прижалось к лицу, к шее, к груди под платьем. Воздух был таким плотным, что его приходилось пить, а не вдыхать. Где-то слева потрескивали угли в низкой жаровне. Справа темнела ширма, вышитая золотыми драконами. Я решила, что именно туда и должна встать. Дойти до ширмы, ждать, не задавать вопросов, полу-

читать деньги, уйти. Самый простой план на свете. Такие планы обычно и рушились первыми.

Я прошла вдоль стены, стараясь не смотреть в центр комнаты. Не из скромности. Скромность бедной женщины всегда заканчивалась там, где начиналась работа: я видела тела мужчин и женщин, стариков и детей, тела раненые, гниющие, обожжённые, лихорадочные, изувеченные родами, ножами, болезнями и собственной глупостью. Но здесь было другое. Тело пациента находилось не на постели, не на лавке, не под простынёй. Оно было где-то в пару, за колоннами, и всё помещение казалось устроенным вокруг него, как храм вокруг запретного идола. Я слышала дыхание. Низкое. Рваное. Сдержанное так яростно, будто человек запрещал себе не только кричать, но и существовать.

Ширма стояла у дальней стены. Я почти дошла до неё, когда за спиной раздался голос:

- Кто вошёл?

Это не был крик. Не был вопрос испуганного больного. Голос прозвучал так, будто меч вынули из ножен и приставили мне к затылку. Я застыла, не оборачиваясь. В доме было жарко, но ладони у меня мгновенно стали холодными.

- Помощница лекаря, - сказала я. - Господин Лаур не смог прийти.

Молчание после моих слов стало острее голоса. Цепь тихо звякнула. Пар сдвинулся, и я краем глаза увидела тень. Большую. Неподвижную. Потом ещё одну - на стене, вытя-

нутую и рваную, с чем-то похожим на крыло. Мне захотелось рассмеяться, потому что страх иногда искал во мне самые неподходящие двери. Крыло, конечно. Что ещё могло мерещиться в доме Арденов?

- Лаур прислал девчонку? - спросил голос.

- Женщину, - поправила я раньше, чем подумала. - Девчонок он посылает за водой.

Снова тишина. Потом что-то низко, хрипло дрогнуло в воздухе. Мне понадобилось мгновение, чтобы понять: пациент рассмеялся. Недолго. Без веселья. От этого смеха жар в комнате будто поднялся выше.

- Уйди.

Я медленно повернулась. Не потому, что хотела спорить. Просто в его голосе было столько приказа, что моё тело, всегда плохо переносившее чужую власть, сделало противоположное. Пар расступился неровными прядями, и я увидела его.

Рейнар Арден сидел на каменном полу у самой ванны. Не в ней, как я почему-то ожидала, а рядом, прислонившись спиной к тёмной мраморной стене. Его руки были подняты и разведены в стороны; запястья охватывали широкие серебряные браслеты, от которых к кольцам в стене уходили тяжёлые цепи. Такие цепи не накидывали на больного, чтобы тот не упал. Такими удерживали преступника перед казнью или зверя перед травлей. Он был обнажён по пояс, если не считать мокрых прядей чёрных волос, упавших на лицо и плечи.

Кожа у него была не просто горячей - она будто светилась изнутри слабым бронзовым огнём, особенно там, где на груди и вдоль рёбер проступали тёмные, почти чешуйчатые линии. Я не сразу поняла, раны это или метки. Они двигались вместе с его дыханием, и от этого казались живыми.

Я видела портреты Рейнара Ардена на городских листах после Северной войны. Там его рисовали в парадном доспехе, с мечом у бедра, с холодным лицом героя, который спас Империю и потому имел право смотреть на всех сверху вниз. Гравёры любили делать ему каменные скулы, прямой нос, суровые брови и взгляд человека, который никогда не просил пощады. В жизни он оказался хуже. Не красивее - именно хуже, потому что красота его была не той, которой любят в безопасности. Он был слишком настоящим для портрета: мокрые волосы, напряжённая шея, тень щетины на жёсткой челюсти, грудь, вздымающаяся от боли, пальцы, сжатые так, что ногти впились в ладони. На нём не было ни доспеха, ни мундира, ни орденов, но всё равно я поняла, почему солдаты шли за ним в огонь. Некоторые мужчины даже прикованные к стене выглядели так, будто это они держат весь мир на цепи, а не мир их.

Только глаза выдавали болезнь. Или проклятие. Или то, чему у бедных обычно не давали названия, потому что названия стоили денег. Глаза у генерала были тёмные, почти чёрные, но в глубине зрачков тлело золото. Оно разгоралось и гасло, как угли под пеплом. Он смотрел на меня так, будто

уже решил, куда поставить мою могилу, и теперь только выбирал, стоит ли пачкать пол.

- Я сказал: уйди, - повторил он.

Я должна была послушаться. Разумно было бы поклониться, отступить, закрыть дверь и забыть дорогу в этот дом. Но у его правой ноги лежал человек. Я заметила его только теперь, потому что всё внимание сначала забрал на себя генерал. Лекарь - настоящий, судя по дорогой сумке и вышитым манжетам - был распростёрт на боку у основания колонны. Лицо серое, губы бледные, рукав обгорел до локтя. Он дышал, но плохо. Рядом валялась разбитая склянка, и по полу расплзлось мутное пятно пахучего настоя.

- Ваш лекарь без сознания, - сказала я.

- Он жив.

- Пока да.

- Ты тоже хочешь остаться живой? Тогда выйди.

Он говорил тяжело, но каждое слово всё равно было приказом. Мне стало зло. Не храбро - именно зло, потому что страх, если его слишком долго держать внутри, начинал искать выход через грубость.

- Удивительный дом, - сказала я, опуская сумку на пол. - Сначала меня тащат сюда ночью через служебные коридоры, потом приказывают ничего не трогать, потом приказывают уйти, а пациент при этом прикован к стене и сияет, как печной уголь. Может, вы решите между собой, лечиться вам или умирать? Мне всё равно, но за дорогу я возьму.

Золото в его глазах вспыхнуло ярче. Цепи натянулись, когда он чуть подался вперёд. Я услышала, как серебро скребёт по камню. У меня внутри всё сжалось, но ноги остались на месте. Иногда бедность давала странное преимущество: после домов, где мужчины били жён табуретами, после трактирных поножовщин и родов на грязной соломе даже драконий генерал не мог удивить меня сразу настолько, чтобы я перестала язвить.

- Ты не понимаешь, рядом с чем стоишь, - произнёс он.

- Тогда объясните. Я быстро учусь.

- Нет.

- Нет - вы не объясните или нет - я не учусь?

Он посмотрел на меня так, что в другой ситуации я бы сочла благоразумием потерять сознание. Но я уже подошла к лекарю и опустилась рядом с ним на колени. Обожжённая ткань крошилась под пальцами. Ожог был странный: не ровный, не от пламени, а будто кожа вспухла изнутри, словно жар вошёл в кровь и вышел через руку. Я нащупала пульс. Слабый, быстрый. Жив, но долго так не протянет. Я порылась в его сумке, нашла нюхательную соль, поднесла к носу. Лекарь вздрогнул, застонал, но не очнулся.

- Что он вам дал? - спросила я, не поднимая головы.

- Ничего.

- Слякля разбита. Настой на полу. Пахнет горьколистом, ледяной мятой и, если мой нос ещё не сварился в этом пару, серебряной пылью. Это дают при магическом перегреве. Что

он вам дал?

- Я сказал, ничего.

Я подняла взгляд. Рейнар сидел неподвижно, но по его груди, от ключицы к рёбрам, медленно прокатывалась волна тёмного золота. Кожа вокруг меток краснела, как металл перед ковкой. Ему было больно. Я видела боль так же ясно, как видела пар, воду и цепи. Но вместе с болью в нём было что-то ещё - не жар даже, а напряжение, сдержанное усилием, от которого у обычного человека давно бы лопнули сосуды в глазах.

- Он не успел, - сказала я.

Рейнар молчал.

- Он приготовил настой, подошёл к вам, вы дёрнулись или вспыхнули, его отбросило, склянка разбилась. Так?

- Уходи.

- Вы застряли в приступе.

- Уходи, Мира Вельс.

От того, что он произнёс моё имя, стало неприятно. Я не помнила, чтобы называла его. Значит, знал заранее. Значит, когда меня вели сюда, обо мне уже успели узнать достаточно, чтобы произнести имя так, будто оно лежало у него на ладони.

- Раз вы знаете, кто я, то знаете и то, что я не лекарь, - сказала я. - Я не сниму проклятие, не прочитаю древний заговор и не стану лезть в драконью кровь, если за это платят не вперёд. Но я могу сбить жар, привести в чувство вашего

лекаря и не дать вам поджечь собственный дом. Для начала неплохо, как думаете?

Его губы искривились. Не в улыбке. Скорее от боли.

- Ты очень много говоришь для женщины, которая может умереть через минуту.

- А вы очень много угрожаете для мужчины, который прикован к стене.

Он дёрнулся так резко, что одна цепь ударила по камню и высекла искры. Я невольно отпрянула, а жар в комнате поднялся волной, ударил в лицо, забрал дыхание. На миг мне показалось, что вся кожа у меня стянулась от сухого огня. В жаровне вспыхнули угли. По воде в ванне пошла рябь, хотя никто к ней не прикасался. Рейнар закрыл глаза, стиснул зубы, и золотые линии на его груди стали ярче. Не просто метки. Чешуя. Очень мелкая, почти плоская, проступающая под человеческой кожей, как память о другом теле.

Вот тогда мне стало по-настоящему страшно.

До этого я боялась богатого дома, властного мужчины, тайного вызова, смерти от чужого каприза. Всё это было человеческим. Неприятным, но понятным. А теперь передо мной сидело существо, которое держалось в человеческих очертаниях только силой воли, серебра и, возможно, гордости. Оно могло сгореть само или сжечь всех вокруг. И хуже всего - оно стыдилось этого. Да, именно стыдилось. Я увидела это в том, как он отвернул лицо, как напряглась линия его рта, как пальцы снова сомкнулись в кулаки. Не ярость была у

него первой кожей, а стыд. Я знала это чувство. Бедные люди часто стыдились того, в чём не были виноваты: дыр на платье, больных матерей, голода, чужих взглядов. Генерал Арден стыдился огня в собственной крови.

Это открытие почему-то удержало меня сильнее цепей.

Я поднялась, взяла из своей сумки плотную ткань, намочила её в чаше у стены и снова подошла к лекарю. Быстро приложила холод к его шее, проверила ожог, нашла у него под языком след горькой пасты - значит, он уже пытался защититься от жара. Потом посмотрела на генерала. Между нами было не больше пяти шагов, но эти пять шагов казались мостом через жерло. Он следил за каждым моим движением.

- Мне нужно подойти, - сказала я.

- Нет.

- Я должна проверить пульс, дыхание, температуру кожи и метки.

- Нет.

- Я не спрашиваю разрешения из любопытства.

- А я не запрещаю из вежливости.

Мы смотрели друг на друга через пар. Он был голый по пояс, мокрый, прикованный и всё равно опасный так, что воздух вокруг него казался натянутым луком. Я была в простом платье, с мокрой тряпкой в руке и сердцем, которое билось где-то высоко в горле. Ничего равного между нами не было. Ни происхождения, ни силы, ни положения. Но болезнь, боль и закрытая дверь иногда делали людей равнее,

чем закон. Перед жаром в крови даже генерал становился телом. А тела я знала лучше, чем придворные титулы.

- Если я уйду, вы можете умереть, - сказала я тише.

Он усмехнулся.

- Многие сочли бы это удачным исходом.

- Вы среди них?

Вопрос вылетел сам. Я пожалела о нём в тот же миг, но забирать назад было поздно. Рейнар перестал усмехаться. Его глаза открылись медленно, и золото в них стало тусклым, тяжёлым. Он смотрел уже не на моё лицо, а куда-то сквозь меня, будто за моей спиной стояли тени тех, кто действительно счёл бы его смерть подарком.

- Иногда, - ответил он.

Одно слово. Негромкое. И в нём было больше усталости, чем во всех его угрозах.

Я сделала первый шаг. Он напрягся. Цепи звякнули, но он не рванулся. Я сделала второй. Жар усилился настолько, что на лбу выступила испарина. Третий шаг дался труднее. Кожа под платьем стала влажной, волосы у висков прилипли, в груди закололо от горячего воздуха. Рейнар смотрел на меня уже иначе - не как на наглую девчонку, которую можно прогнать, а как на человека, который по собственной глупости идёт к обрыву и не слышит предупреждений.

- Остановись, - сказал он.

Я остановилась. Между нами оставалось расстояние вытянутой руки. Вблизи он казался ещё больше. Не ростом -

присутствием. Его тело было покрыто шрамами: тонкий белый рубец у плеча, широкий след старого удара под рёбрами, несколько тёмных пятен, похожих на ожоги, но слишком правильных, будто их оставили не случайно. На груди, ближе к сердцу, виднелась свежая красная линия, и от неё расходилось золотое свечение. Я хотела посмотреть профессионально, как смотрела на любую рану. Но поймала себя на том, что слишком ясно замечаю иное: как по ключице скачивается капля воды, как напрягаются мышцы на его животе при каждом вдохе, как грубо и красиво смотрится серебро на его запястьях. Я разозлилась на себя за это. Желать опасного мужчину было глупо. Замечать его тело, когда он мог меня убить одним движением, - ещё глупее. Но тело не всегда спрашивало разрешения у разума. Моё вот тоже не спрашивало.

- Я коснусь вашего плеча, - сказала я, потому что говорить о деле было легче, чем думать о чужой коже. - Не раны. Только плеча. Проверю жар.

- Нет.

- Тогда лоб.

- Нет.

- Запястье?

- Если ты коснёшься меня, я могу не удержать огонь.

- Вы удерживали его до сих пор.

- Не ради тебя.

- Тогда удержите ради себя.

Его взгляд опустился на мою руку. Я видела, как он борется с желанием отшатнуться, хотя отшатнуться не мог. Это было странно. Большой, страшный, прославленный дракон боялся моего прикосновения больше, чем я его огня. На миг мне показалось, что в комнате стало тихо-тихо, даже вода и цепи замолчали. Я медленно подняла ладонь. Не резко, не как к животному, которое может укусить, а как к человеку, которому больно. Рейнар не дышал. Или мне так показалось. Его зрачки расширились, золото в них свернулось тонким кольцом.

- Если станет больно, скажите, - зачем-то прошептала я.

- Глупая женщина, - сказал он так же тихо. - Больно будет тебе.

Я коснулась его плеча.

Ничего не произошло.

Вернее, произошло всё, но не так, как я ждала. Я думала, будет ожог. Вспышка. Удар жара, от которого кожа вздуется пузырями. Я приготовилась к боли, к запаху палёной плоти, к собственному крику. Вместо этого под моей ладонью оказалась горячая кожа - слишком горячая для человека, но не убивающая. Жар вошёл в пальцы, поднялся по руке, растёкся под грудью мягкой волной, и я вдруг поняла, что он не обжигает. Он узнаёт. Мысль была безумной, но другой у меня не нашлось. Огонь под его кожей будто наткнулся на меня, остановился и стал тише.

Рейнар вздрогнул всем телом.

Не от боли. От неожиданности.

Я почувствовала, как под моей ладонью напряглась мышца, как рванулся его вдох, как золотые линии на груди дрогнули и начали гаснуть. Не полностью, нет, но яркость ушла, будто кто-то убрал меха от раскалённой печи. В комнате стало на один вдох прохладнее. Пар всё ещё клубился, угли всё ещё тлели, но страшное давление, сжимавшее воздух, ослабло.

Генерал смотрел на меня так, будто я ударила его ножом.

- Что ты сделала? - спросил он.

- Ничего.

- Лжёшь.

- Я коснулась вас. Это вы видели.

- Почему ты не сгорела?

Вопрос был задан не мне. Скорее миру, богам, крови, древним костям рода Арденов. Я медленно убрала руку, и сразу же жар чуть поднялся, словно огонь потянулся следом. Рейнар заметил это тоже. Его взгляд стал острым, почти голодным, но не тем голодом, о котором пишут в дешёвых песнях. Это был голод утопающего, увидевшего верёвку.

- Ещё раз, - сказал он.

Приказ. Конечно. Такой человек даже чудо просил как распоряжение.

Я подняла брови.

- Вы только что запрещали.

- Теперь разрешаю.

- Как щедро.

- Мира.

В его голосе впервые не было угрозы. Только напряжение, удерживаемое последней ниткой. Я снова положила ладонь ему на плечо. На этот раз уже без спешки. Он закрыл глаза. Цепи тихо звякнули, потому что руки его дрогнули, но не рванулись. Жар снова пошёл в меня, и я едва удержалась, чтобы не отступить - не от боли, а от странного, слишком глубокого ощущения, будто чужое тело говорило с моим без слов. Это было неприлично. Не в том смысле, в каком неприлично расстегнуть платье перед мужчиной. Гораздо хуже. Так неприлично было бы услышать чужую тайную молитву или увидеть лицо человека в момент, когда он сам себя не видит. Я знала: если сейчас войдёт слуга, он не увидит ничего, кроме помощницы лекаря, проверяющей жар у пациента. Но между моей ладонью и его кожей происходило что-то такое, что никаким лечением уже не объяснить.

Рейнар медленно выдохнул. Длинно. Почти беззвучно. Его голова откинулась к стене, мокрые волосы сдвинулись с лица. Впервые с того момента, как я вошла, черты его немного расслабились, и в этой расслабленности обнаружилась усталость такая древняя, будто он не спал не одну ночь, а несколько лет. Я вдруг поняла, что передо мной мужчина, который давно не позволял никому прикасаться к себе без страха. Возможно, вообще никому.

- Так лучше? - спросила я.

Он не ответил сразу. Потом открыл глаза. И я пожалела, что стою так близко. Потому что теперь он смотрел не как генерал на простолюдинку, не как больной на помощницу лекаря, не как чудовище на случайную свидетельницу. Он смотрел как мужчина, который только что узнал о моём существовании не глазами, а кожей. И это было опаснее огня.

- Да, - сказал он. - Лучше.

Я убрала руку слишком резко. Он заметил. В уголке его рта мелькнуло что-то почти похожее на усмешку, но тут же исчезло. Жар не вернулся прежней волной, однако в комнате всё ещё было душно. Я отступила на шаг, чтобы вернуть себе хоть какое-то подобие благоразумия, и наклонилась к своей сумке. Нужно было заняться делом. Дело спасало. Дело не задавало вопросов о том, почему у меня под пальцами до сих пор помнилась его кожа.

- Я приготовлю настой, - сказала я. - Без серебряной пыли. Она только раздражает магическую кровь, если доза неверная. Кто бы ни учил вашего лекаря, он плохо слушал.

- Он лучший лекарь столицы.

- Значит, столица больна сильнее, чем я думала.

Сзади снова послышался тот короткий хриплый звук, похожий на смех. На этот раз в нём было чуть больше жизни. Я достала склянки, травы, маленькую ступку. Руки у меня всё ещё дрожали, но работу они знали лучше меня. Горьколист, ледяная мята, белый корень, капля уксуса, щепоть соли, чтобы тело не отвергло холод. Я говорила себе названия

трав, как молитву. Горьколист от жара. Мята для дыхания. Белый корень для сердца. Не смотреть на его грудь. Не думать о том, что он попросил коснуться ещё раз. Не думать о том, как он выдохнул. Не думать.

- Сколько тебе заплатили? - спросил он вдруг.

- Ещё нисколько.

- Значит, ты рискуешь жизнью в долг?

- Я бедная, не безумная. В богатых домах всегда платят после. До - только тем, кого уважают.

- А тебя не уважают?

Я оглянулась через плечо. Он всё ещё сидел у стены, прикованный, мокрый, слишком спокойный после нескольких минут ада. Но взгляд у него был внимательный. Опасно внимательный.

- Меня обычно недооценивают, - сказала я. - Это дешевле.

Он смотрел на меня ещё мгновение, потом перевёл взгляд на лекаря у колонны.

- Ты можешь привести его в чувство?

- Да. Но сначала вы. Если вы снова вспыхнете, он не переживёт второго удара. И я, возможно, тоже.

- Ты сказала это так, будто моя смерть тебя не беспокоит.

- Ваша смерть беспокоит слишком многих важных людей.

Я стараюсь не вмешиваться в работу толпы.

- А если я прикажу тебе остаться?

Я перестала растирать травы. Вот оно. Слова, ради которых, наверное, меня и привели. В богатых домах просьбы

быстро становились приказами, а приказы - замками на дверях. Я медленно повернулась к нему.

- Для лечения?

- Да.

- Тогда прикажете моему наставнику, чтобы он оформил меня помощницей при вашем доме. На срок, за плату, с правом выйти за ворота, когда я не нужна пациенту.

- Ты торгуешься со мной?

- Пока да. Потом, если меня запрут, будет поздно.

Его лицо снова стало холоднее. Не злым, нет. Скорее закрытым. словно я напомнила ему о правилах мира, где такие, как он, брали, а такие, как я, старались не быть раздавленными.

- Я не держу женщин силой, - сказал он.

Я посмотрела на цепи на его запястьях.

- Не сомневаюсь, у вас в доме всё добровольно.

Он проследил за моим взглядом. В глазах вспыхнуло золото, но на этот раз я уже понимала: злится он не только на меня. Может быть, даже не столько на меня.

- Эти цепи на мне, Мира Вельс. Не на тебе.

- Сегодня.

Слово повисло между нами слишком откровенно. Я не знала, почему сказала именно это. Может, потому что в его голосе было слишком много власти, а я слишком хорошо знала, как власть меняет людей, когда закрываются двери. Может, потому что он назвал меня по имени так, будто уже

имел на это право. Может, потому что в тот миг я испугалась не его огня, а того, как легко моё тело запомнило его тепло.

Рейнар долго молчал. Потом сказал:

- Ты уйдёшь из этой комнаты, когда захочешь. Если только не будет приступа, который убьёт всех за дверью. Это достаточно честно?

- Почти.

- Что ещё?

- Если я останусь лечить вас, никто не будет касаться меня без моего согласия. Ни вы, ни ваши слуги, ни ваши советники, ни ваши лучшие лекари столицы, когда очнутся и решат, что я помешала их величию.

Его взгляд стал тяжелее, но уже не опаснее. Он изучал меня так, будто впервые видел не наглуую помощницу, а условия договора.

- Согласен.

- И я получу оплату за эту ночь вдвое больше обычной.

- Втрое.

Я моргнула. Он заметил это и всё-таки усмехнулся - коротко, устало, почти по-человечески.

- Не умеешь торговаться с драконами, Мира.

- Обычно я стараюсь не встречаться с драконами в купальнях.

- Разумная привычка.

- Была.

Я протянула ему чашу с настоем и только тогда поняла,

что он не может взять её сам. Цепи не позволяли поднести руки ко рту. Мы оба посмотрели на серебро, потом друг на друга. Неловкость вышла такой резкой, что почти рассмешила меня. Почти. Рейнару, судя по лицу, смешно не было.

- Придётся мне, - сказала я.

- Нет.

- Опять?

- Подойди сбоку. Не спереди.

- Почему?

Он отвёл взгляд.

- Так безопаснее.

Безопаснее для кого, он не уточнил. Я решила не спрашивать. Подошла осторожно, опустилась рядом на одно колено и поднесла чашу к его губам. Очень странное дело - поить прикованного драконьего генерала травяной дрянью из глиняной чашки. Ещё страннее - замечать, как близко его лицо. Слишком близко. С этой стороны я видела тонкий шрам у виска, мокрые ресницы, тёмную щетину на щеке, следы укусов на нижней губе - он, наверное, сам прокусил её, сдерживая боль. Он пил медленно, не отрывая от меня взгляда. Я держала чашу обеими руками, чтобы не выдать дрожь. От него пахло дымом, горячим металлом и кожей после дождя. Никакими дорогими маслами, никакими дворцовыми духами. Живым опасным телом.

Когда настой закончился, я отстранилась так быстро, что несколько капель пролилось на его грудь. Они скатились по

коже, оставив тёмную дорожку. Я заставила себя не смотреть. Не вышло. Рейнар тоже это заметил.

- Боишься? - спросил он.

- Да.

- Но не уходишь.

- Деньги нужны.

- Только деньги?

Я подняла на него глаза. Вопрос был тихим, но в нём было столько скрытого жара, что весь мой заготовленный сарказм на миг сгорел. Я могла бы сказать «да». Должна была. Это было бы проще, безопаснее, умнее. Но в тот миг я подумала о его выдохе под моей ладонью, о золоте, гаснущем в метках, о человеке у стены, который мог приказать мне что угодно, но спросил, боюсь ли я. И сказала правду ровно настолько, насколько могла себе позволить.

- Не только.

Он не улыбнулся. Не торжествовал. Не сделал пошлого замечания, как сделал бы почти любой мужчина, получив такой ответ от женщины ниже себя по положению. Он просто смотрел, и от этого смотреть в ответ было труднее.

- Тогда тебе тем более нужно уйти, - сказал он.

- Сначала лекарь.

- Мира.

- Что?

- Если кто-то спросит, что ты видела в этой комнате, ты ничего не видела.

Вот и всё. Тайна снова закрылась, как пасть. Я поднялась, чувствуя, как возвращается привычная злость. Такая удобная, такая родная. Она была лучше смущения, лучше страха и намного лучше того странного тепла, которое всё ещё жило под кожей моей ладони.

- Я видела пациента с приступом жара, обморок лекаря и богатый дом, где слишком любят приказывать, - сказала я. - Остальное стоит отдельных денег.

- Ты не понимаешь, во что вошла.

- Вошла я, насколько помню, в купальню. Не туда, как выяснилось.

- Нет, - сказал Рейнар, и голос его снова стал тем самым, первым, мечом из ножен. - Ты вошла в войну, которая началась задолго до твоего рождения.

Я хотела ответить. Конечно, хотела. Но в этот момент лекарь у колонны застонал громче и попытался подняться. Я бросилась к нему, придержала за плечо, не давая удариться затылком о камень. Он открыл мутные глаза, увидел меня, потом генерала, потом чашу в моей руке. Лицо его исказилось так, будто он очнулся не после обморока, а после смерти и обнаружил, что в его могиле кто-то уже хозяйничает.

- Что вы сделали? - прошептал он.

- Работу, - ответила я.

Он попытался сесть, но тут же схватился за обожжённую руку. Я помогла ему осторожнее, хотя по его взгляду поняла, что благодарности ждать не стоит. Лекари не любили, когда

помощницы делали то, с чем не справились они. Особенно при знатных пациентах. Особенно при таких.

- Вы не должны были к нему подходить, - выдохнул он.

- Вы тоже, видимо, но мы оба старались.

Лекарь побледнел ещё сильнее.

- Вы касались его?

Я не ответила сразу. Эта пауза сказала больше, чем слово. Он перевёл взгляд на Рейнара, потом снова на меня. В его глазах появилось не изумление даже, а ужас узнавания. Такой ужас бывает у людей, которые нашли в старой книге строку, считавшуюся сказкой, и вдруг увидели её живой.

Рейнар заметил это.

- Молчать, - сказал он.

Лекарь закрыл рот. Быстро. Очень быстро. И я поняла, что в этом доме приказ молчать действительно был сильнее боли, страха и профессиональной гордости.

За дверью слышались шаги. Несколько человек. Потом осторожный стук.

- Господин? - голос женщины в сером прозвучал приглушённо. - Всё ли...

- Никому не входить, - сказал Рейнар.

Шаги замерли.

Лекарь смотрел на мою руку. Ту самую, которой я касалась плеча генерала. Я тоже на неё посмотрела. На коже не было ожога. Не было покраснения. Только слабое золотистое пятно у основания большого пальца, такое тонкое, что его

можно было принять за отблеск от жаровни. Я быстро сжала пальцы в кулак.

Поздно. Рейнар увидел.

И в этот миг между нами что-то изменилось окончательно. До этого я была случайной женщиной, вошедшей не в ту дверь. Свидетельницей. Помощницей. Наглой беднячкой, которую можно запугать, купить, выгнать или оставить. Теперь я стала чем-то другим. Я ещё не знала чем, но по лицу генерала поняла: он знал. Или боялся узнать.

- Господин Арден, - прошептал лекарь. - Это невозможно. Рейнар не сводил с меня глаз.

- Невозможное, - сказал он, - обычно стоит дороже.

Я должна была испугаться сильнее. Наверное, испугалась. Но вместе со страхом во мне поднялось то самое упрямство, из-за которого господин Лаур однажды сказал, что я умру не от болезни, а от собственного языка. Я выпрямилась, спрятала помеченную руку в складках платья и посмотрела на прикованного дракона так спокойно, как только смогла.

- Тогда начнём с платы за ночь, - сказала я. - А утром обсудим, сколько стоит невозможное.

Рейнар Арден молчал несколько долгих мгновений. Потом его губы дрогнули. Совсем немного. И почему-то от этого почти незаметного движения мне стало жарче, чем от всей купальни, серебряных цепей и драконьего огня вместе взятых.

- Утром, - сказал он. - Если мы оба до него доживём.

Глава 2. Не подходи, если хочешь жить

Утро в доме Рейнара Ардена началось не с рассвета, а с того, что меня попытались вывести из купальни под руки, будто пьяную служанку, пойманную в хозяйском винном погребке. Я не сразу поняла, что ночь закончилась. В узких высоких окнах уже серел холодный свет, но в купальне всё ещё держались пар, запах мокрого камня и то тяжёлое послевкусие страха, которое не выветривается вместе с дымом. За несколько часов жар спал, угли в жаровнях потемнели, вода в бронзовой ванне остыла, серебряные цепи больше не звенели от каждого движения, а генерал Арден, которого я уже успела дважды мысленно похоронить, сидел на низкой скамье у стены, закутанный в тёмный халат, и выглядел так, будто именно он провёл ночь у постели больного, а не был причиной всей этой суматохи. Метки на его груди скрыла плотная ткань, волосы были откинuty назад и влажными прядями падали на ворот, лицо снова стало замкнутым и властным. Если бы не сероватая усталость у рта и не тёмные круги под глазами, можно было бы поверить, что ночной приступ мне приснился, а вместе с ним цепи, огонь под кожей, золотое пятно на моей руке и тот выдох, с которым он принял моё прикосновение, будто человек, слишком долго то-

нувший в одиночестве. Но пятно не исчезло. Я проверяла. Сначала тайком, пока лекарь Лаурис - не мой господин Лаур, а тот самый столичный гений с обожжённой рукой - возился со своими склянками и делал вид, что не смотрит на меня. Потом ещё раз, когда женщина в сером принесла чистую воду и полотенца. На коже у основания большого пальца осталась тонкая золотистая прожилка, похожая на след от раскалённой нити. Она не болела, не чесалась, не горела, но всякий раз, когда Рейнар оказывался ближе трёх шагов, будто делалась теплее.

- Госпожа Вельс должна отдохнуть, - сказала женщина в сером, и слово «госпожа» в её устах прозвучало так осторожно, словно она пробовала на вкус лекарство, которое могло оказаться ядом. - Для неё уже приготовили комнату в нижнем крыле. Она провела здесь всю ночь.

- В нижнем крыле? - переспросил Рейнар.

Говорил он тихо. После ночи голос его стал ниже и суше, без той раскалённой хрипоты, от которой у меня внутри всё сжималось. Но власть никуда не делась. Она просто перестала пылать и стала холодной.

Женщина в сером застыла. По её лицу не дрогнула ни одна мышца, но я успела понять, что в этом доме люди боялись не только крика. Иногда тихий вопрос хозяина был хуже приказа.

- Там свободная гостевая комната, господин.

- Госпожа Вельс останется в восточном крыле.

Лекарь Лаурис, сидевший у стола с перевязанной рукой, резко поднял голову. Я тоже. Восточное крыло, насколько я успела разобраться, было тем самым местом, куда слуги входили только с разрешения, шёпотом и, возможно, после короткой молитвы всем известным богам. Там находились покои Рейнара, его купальня, закрытый кабинет, оружейная и те комнаты, о которых в приличных домах не спрашивали. Поместить меня туда означало не просто оставить при пациенте. Это означало поставить меня слишком близко к его тайне, к его телу и к тем дверям, за которыми прошлой ночью звенело серебро.

- Нет, - сказала я.

Сказала раньше, чем все остальные успели принять его приказ как погоду, налоги или смерть. Лекарь уставился на меня с таким ужасом, будто я плюнула в императорскую корону. Женщина в сером медленно закрыла глаза, как человек, который очень не хочет видеть, чем закончится чужая глупость. Рейнар же просто посмотрел на меня. Без удивления. Почти с интересом.

- Нет? - повторил он.

- Я не ваша пленница.

- Я этого не утверждал.

- Вы приказали поселить меня в крыле, где даже слуги ходят так, будто их туда ведут на казнь.

- Там безопаснее.

- Для кого?

Он чуть наклонил голову, и мокрая тёмная прядь скользнула к виску. Такое маленькое движение, но все в комнате, кроме меня, почему-то замерли сильнее. Наверное, знали: когда дракон наклоняет голову, он решает, стоит ли сжечь деревню или достаточно одного дома.

- Для тебя, - сказал он. - После того, что произошло ночью, тебя нельзя возвращать в Нижние кварталы.

- После того, что произошло ночью, меня особенно хочется вернуть в Нижние кварталы, - ответила я. - Там хотя бы, если мужчина сидит на цепи, все честно знают, за что.

Лаурис издал звук, похожий на подавленный кашель. Женщина в сером открыла глаза и посмотрела куда-то в пол. Рейнар не улыбнулся. Но я заметила, как на мгновение смягчилась линия его рта. Очень недолго. Потом лицо снова стало каменным.

- Ты думаешь, я держал бы тебя здесь силой после того, как сам дал слово?

- Я думаю, что знатные мужчины очень любят слова до тех пор, пока слова им удобны.

- У тебя богатый опыт?

- Достаточный, чтобы не путать дверь спальни с лекарским кабинетом.

На этот раз он всё-таки усмехнулся. Едва заметно, без веселья, но это была усмешка, а не судорога боли. Меня почему-то задело это сильнее, чем его холод. В усмешке было что-то живое. Непозволительно живое для человека, кото-

рого я хотела считать только опасным пациентом.

- Восточное крыло, - повторил он, глядя уже не на меня, а на женщину в сером. - Комната через две двери от моей. Без замка снаружи. С окном во внутренний сад. Две смены охраны у лестницы, но не у её двери. Госпожа Вельс может выходить в сад, библиотеку и малую трапезную. За ворота - только с сопровождением.

- Нет, - снова сказала я.

Теперь он повернулся ко мне медленнее.

- Ты начинаешь злоупотреблять одним словом.

- Потому что оно короткое и понятное. Я не пойду туда, где за мной будут следить, как за украденной драгоценностью.

- Не как за драгоценностью.

- Как за уликой?

Это попало. Я увидела по его глазам. Золото в них не вспыхнуло, но будто шевельнулось под тёмной поверхностью. Лаурис вдруг встал, побледнев от усилия, и шагнул между нами, хотя, если бы Рейнар действительно решил на меня броситься, столичный лекарь со своей перевязанной рукой не остановил бы даже его тень.

- Господин Арден, - быстро сказал он. - Прошу вас, прежде чем принимать решения, необходимо провести осмотр. Метка могла быть случайной реакцией на контакт с вашим перегретым полем. Девушка не обучена, она не понимает, как опасно находиться рядом с вами после приступа. Её следу-

ет изолировать, но не в восточном крыле, а в отдельном помещении, желательно с защитными кругами. Я вызову магистра из коллегии, мы установим природу следа, после чего...

- Никого из коллегии, - сказал Рейнар.

Два слова. Комната будто стала меньше.

- Но, господин...

- Никого.

- Случай беспрецедентный. Если она действительно выдержала прямой контакт, это может означать...

- Я знаю, что это может означать.

Лаурис замолчал. На его лице проступила смесь страха, обиды и жадного профессионального любопытства. Я видела такие лица у врачей, когда они находили редкую болезнь: человек перед ними мог умереть, но болезнь была такой интересной, что бедняга на миг становился не телом, а дверью к великому открытию. Я не любила этот взгляд. На мне его тоже задерживали слишком долго, когда в детстве я выживала после лихорадок, от которых умирали другие дети в нашем доме. Тогда господин Лаур говорил: «Хорошая выносливость, девочка. Из тебя выйдет крепкая помощница». Крепкая помощница. Не человек, а удобный инструмент, который почему-то не сломался.

- Эй, - сказала я. - Я здесь.

Оба мужчины посмотрели на меня. Один - как хозяин дома, другой - как учёный над редким насекомым. Прекрасная компания для женщины, которая не спала всю ночь и мечта-

ла только о воде, хлебе и пяти минутах, когда на неё никто не будет смотреть.

- Моя рука принадлежит мне, - продолжила я. - Не коллегии, не роду Арденов, не вашему императору и не древним сказкам, которые вы оба так старательно не называете. Если нужно посмотреть на пятно, я покажу. Если нужно спросить, что я чувствовала, я отвечу. Но если кто-то решит запереть меня в комнате с защитными кругами, чтобы выяснять мою природу, я разобью окно, выберусь через сад и разнесу по столице такую историю, что к вечеру у вашего дома будут торговать пирожками в форме драконьих хвостов.

Лаурис открыл рот. Рейнар смотрел на меня долго, слишком долго. В его взгляде снова появилось то странное внимание, от которого у меня под кожей становилось тесно. Не грубый интерес мужчины к женщине, хотя и он там был, спрятанный глубже, чем следовало бы. Скорее интерес человека, привыкшего, что все вокруг либо подчиняются, либо интригуют, либо боятся, и вдруг встретившего кого-то, кто от страха начинает торговаться.

- Ты всегда угрожаешь пациентам позором на рынке? - спросил он.

- Только тем, кто пытается превратить меня в имущество.

- Я пытаюсь сохранить тебе жизнь.

- Вы все так говорите.

Он замолчал. На этот раз усмешки не было. Ночь, казалось, снова вошла между нами со своим паром, жаром и се-

ребром. Я вспомнила, как он сказал: «Я не держу женщин силой». Тогда я не поверила. Не то чтобы поверила сейчас, но в его лице мелькнула тень, из-за которой слова перестали казаться пустой гордостью. Он тоже что-то вспомнил. Возможно, женщину, которую почти убил. Возможно, ту войну, куда, по его словам, я вошла вместе с купальней. Возможно, самого себя до цепей.

- Хорошо, - сказал он наконец. - Не восточное крыло.

Женщина в сером едва заметно выдохнула. Лаурис нахмурился.

- Господин, это неразумно.

- Я ещё не закончил. Госпожа Вельс останется в комнате рядом с малой библиотекой. Там есть дверь в сад и проход к моей купальне через внутренний коридор. Замков снаружи не будет. Охрана - на лестнице, не у двери. За ворота она не выходит до вечера, пока мы не поймём, кто из слуг видел её ночью и кто уже успел что-то рассказать. После этого она сможет уйти, если захочет.

- Если захочу? - переспросила я.

- Да.

- И вы не пошлёте за мной людей?

- Пошлю.

Я вскинула брови.

- Очень честно.

- Но не чтобы вернуть силой. Чтобы охранять. Ты стала опасной свидетельницей, Мира. Не потому, что видела мой

приступ. Приступы ещё можно объяснить болезнью, ранением, последствием войны. Но если кто-то узнает о метке, за тобой придут не мои люди. И они не станут спрашивать, хочешь ли ты пройти с ними.

Он произнёс это без нажима, и именно поэтому мне стало холодно. С угрозами было проще спорить. Факты спорить не любили.

- Кто придёт? - спросила я.

- Те, кто много лет ждёт, когда род Арденов даст трещину.

- Очень содержательно. Можно список? Я буду сверяться, когда меня начнут похищать.

- Имперский совет. Род Селены Вайр. Драконья коллегия. Возможно, люди императора. Возможно, мои собственные союзники, если решат, что ты опаснее, чем полезна.

- Приятно, когда утро начинается с такого количества новых знакомств.

- Я предупреждаю тебя.

- Нет. Вы пугаете меня, чтобы я согласилась остаться.

- А ты не пугаешься?

Я хотела сказать, что нет. Очень хотела. Но после такой ночи даже моя гордость устала притворяться глупее, чем была.

- Пугаюсь, - сказала я. - Просто от страха я не становлюсь послушнее.

Рейнар принял это так, будто ответ его устроил. Он коротко кивнул женщине в сером.

- Агата, проводи госпожу Вельс. Пусть ей принесут завтрак, воду, чистую одежду и всё, что она попросит в пределах разумного.

- А если я попрошу лошадь и мешок золота? - спросила я.

- Это за пределами разумного.

- А если только мешок золота?

- Зависит от размера мешка.

Я не собиралась улыбаться. Честно. Но уголок губ всё-таки дрогнул, и я тут же возненавидела себя за это маленькое предательство. Рейнар заметил. Конечно, заметил. В его взгляде мелькнуло что-то тёплое и почти опасно человеческое, но тут же исчезло, потому что Лаурис снова заговорил о настоях, измерении температуры, повторном осмотре меток и необходимости записать все обстоятельства ночного контакта. Слово «контакт» прозвучало так сухо и лекарски, что мне захотелось рассмеяться. Контакт. Как будто можно было назвать этим то, что произошло, когда моя ладонь легла на плечо Рейнара, а огонь под его кожей сначала рванулся, потом затих, как зверь, узнавший руку хозяина. Нет. Не хозяина. Я не хотела быть хозяйкой чужого зверя. Я вообще не хотела быть ничьей. Особенно с утра.

Агата вывела меня из купальни тем же внутренним коридором, но теперь дом казался иным. Ночью он был лабиринтом, по которому меня вели почти как жертву. Утром я видела подробности: тёмные панели стен, начищенные ручки, старые гобелены с охотничьими сценами, где драконы пари-

ли над лесами, а люди внизу поднимали копья не то против врагов, не то против собственных покровителей. В нишах стояли вазы с сухими ветвями серебролиста. На полу лежали ковры с узором из переплетённых чешуек. В этом доме всё намекало на драконов, но нигде не изображало их открыто и радостно. Не было дешёвого хвастовства, как у богачей, которые лепят герб на каждую ложку. Здесь дракон присутствовал как тень рода, как кость под кожей. И я вдруг поняла, что Рейнар, возможно, рос в доме, где ему с детства объясняли: ты не человек, ты обязан быть чем-то большим. А потом это «большее» начало жечь его изнутри.

- Вы смелая, - сказала Агата, когда мы свернули в более светлый коридор.

- Нет.

Она посмотрела на меня.

- Нет?

- Я устала, плохо спала и слишком поздно понимаю, когда нужно молчать. Это не смелость. Это испорченный характер.

Агата впервые позволила себе почти настоящую улыбку. У неё было строгое лицо женщины, которая за долгие годы научилась не реагировать ни на кровь, ни на чужие тайны, ни на полуобнажённых генералов в цепях. Но эта улыбка сделала её старше и мягче одновременно.

- В этом доме испорченный характер иногда полезнее смелости.

- Вы давно здесь служите?

- Двадцать семь лет.
- Тогда вы знали его ребёнком?
- Да.

Я ждала продолжения, но Агата не добавила ни слова. Люди, прожившие двадцать семь лет в одном доме, умели ставить стены лучше каменщиков. Мы прошли мимо закрытых дверей, у одной из которых стоял молодой стражник. Он изо всех сил старался смотреть прямо перед собой, но всё равно скосил глаза на меня. Не похотливо, не грубо - с тем голодным любопытством, которое появляется у слуг, когда в доме случается что-то запретное. Значит, слухи уже пошли. Ночь, купальня, лекарь без сознания, неизвестная женщина, которую не выгнали на рассвете, а поселили внутри хозяйского крыла. К вечеру я могла стать любовницей, ведьмой, незаконнорождённой наследницей, шпионкой или всем сразу. В Нижних кварталах слухи хотя бы были дешевле. Здесь они носили перчатки и убивали репутацию серебряными ножами.

Комната у малой библиотеки оказалась больше всего жилья, которое у меня когда-либо было. Не роскошная по меркам Арденов, наверное, но для меня почти неприличная: широкая кровать с тёмно-зелёным покрывалом, письменный стол у окна, кувшин с водой, медный таз, шкаф, камин, два кресла и дверь в маленькую умывальную, где пол был выложен синей плиткой. Окно выходило во внутренний сад. Там среди каменных дорожек росли низкие хвойные деревца, бе-

лые цветы и кусты с красноватыми листьями, похожими на языки пламени. Сад окружали стены, но сверху было небо - бледное, утреннее, чистое. После купальни с её паром и цепями этот вид казался почти издевательски мирным.

- Ваша прежняя одежда будет вычищена, - сказала Агата.
- Пока принесут домашнее платье. Простое. Не господское.
- Я и не просила господское.
- В этом доме лучше уточнять всё заранее.

Она поставила мою сумку на стол. Я заметила, что её не обыскивали. Это было либо проявлением доверия, либо уверенности, что с моими травами я всё равно не смогу причинить этому дому больше вреда, чем уже причинила своим появлением.

- Дверь действительно не запрут? - спросила я.

Агата подошла к двери, повернула ключ в замке, вынула его и положила на стол рядом с моей сумкой.

- Действительно.
- По приказу хозяина?
- По его слову.
- Есть разница?

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Не укоризненным, не враждебным. Скорее оценивающим, будто решала, сколько правды может выдержать женщина, у которой на руке драконья метка.

- Для него есть.

Когда она ушла, я сразу проверила дверь. Открывается.

Закрывается. Ключ мой. Окно тоже открывалось, хотя до сада было высоковатое, но если связать простыни, можно спуститься. Я осмотрела умывальную, шкаф, стену за гобелемом, пол у камина. Ничего подозрительного не нашла, кроме самого факта, что меня поселили в комнате, где каждая вещь стоила дороже моей старой жизни. Потом села на край кровати и впервые за утро осталась одна.

Тогда меня и накрыло.

Не слёзы. Я не плакала. После ночей у больных, после смертей, после родов, после запаха гнили и крови слёзы редко приходили вовремя. Но руки вдруг задрожали так сильно, что пришлось сжать их между коленями. На коже снова блеснула золотая прожилка. Я смотрела на неё и пыталась убедить себя, что это ожог. Станный, безболезненный, красивый ожог. Но ожоги не теплели, когда за стеной проходил мужчина, способный сжечь комнату дыханием. Ожоги не заставляли столичных лекарей бледнеть. Ожоги не делали бедную помощницу лекаря интересной для имперского совета, драконьей коллегии и невесты с ледяным именем, которую я ещё даже не видела, но уже успела невзлюбить. Я провела большим пальцем по золотому следу. Кожа была гладкая. Под ней будто лежала тончайшая нить света.

- Ну вот, Мира, - сказала я сама себе. - Хотела оплату втрое? Получай.

В дверь постучали через час. К тому времени я успела умыться, переодеться в принесённое платье и съесть почти

весь завтрак, хотя сначала собиралась гордо отказаться. Гордость прекрасно звучит в разговорах с генералами, но совершенно бесполезна перед свежим хлебом, сыром, яблоками, горячей кашей и мясным бульоном, который пах так, что у меня едва не закружилась голова. Платье оказалось простым только по меркам богатого дома: мягкая тёмная ткань, чистая нижняя сорочка, рукава, не стесняющие движений, пояс без украшений. На мне оно сидело чужовато, но удобно. Я спрятала метку под манжетой и открыла дверь, ожидая увидеть Агату.

За дверью стоял не Агата. Молодой мужчина лет тридцати пяти, светловолосый, гладко выбритый, в безупречном тёмном камзоле. Он выглядел так, будто даже утром после дворцового пожара сумел бы найти зеркало, поправить воротник и выбрать выражение лица, наиболее подходящее для скорби. В руках он держал кожаную папку, под мышкой - несколько свитков. Улыбка у него была вежливая, глаза - совсем нет.

- Госпожа Вельс, - произнёс он. - Позвольте представиться. Кайрон Мерст, управляющий делами господина Ардена.

- Если вы пришли сообщить, что завтрак вычтут из моей оплаты, я его уже съела.

Улыбка не дрогнула.

- Я пришёл обсудить вашу оплату, размещение, обязанности и молчание.

- Какой богатый набор для первого знакомства.

- У господина Ардена редко бывают простые знакомства.

Он вошёл только после того, как я отступила. Вежливо, но без сомнения, что войдёт. Положил папку на стол, оглядел комнату, задержал взгляд на ключе, потом на моей сумке, потом на рукаве, под которым была метка. Умный. Слишком умный для моего спокойствия. Таких мужчин в Нижних кварталах называли не крысами, нет. Крысы хотя бы честно бегали по грязи. Таких называли кошками при мясной лавке: вроде бы красивый, чистый, ленивый, а отвернёшься - и горло у голубя уже перекушено.

- Господин Арден велел составить временный договор, - сказал Кайрон, разворачивая один из листов. - Вы будете числиться личной помощницей при лекарском наблюдении. Срок - семь дней с возможностью продления. Оплата - втрое выше стандартной ставки вашего наставника за ночной вызов, плюс ежедневное содержание. Вы обязуетесь не покидать дом без уведомления, не разглашать сведения о состоянии господина Ардена, не вступать в разговоры со слугами о событиях минувшей ночи, не принимать письма и не отправлять их без проверки.

- Нет.

Он поднял глаза.

- Простите?

- День какой-то повторяющийся, - сказала я. - С утра всё время приходится говорить одно и то же.

- Какой пункт вас не устраивает?

- Письма. Я должна сообщить наставнику, что жива. И хозяйке комнаты, что не сбежала с её оплатой. И матери, если задержусь больше чем на день.

Кайрон чуть склонил голову.

- Письма будут отправлены после проверки.

- Мои письма бедным людям не стоят вашего чтения.

- Теперь стоят.

Вот это было сказано честно. Почти грубо, без лишнего сахара. Я даже немного оценила.

- Тогда я пишу при вас короткие записки. Вы проверяете, что там нет слов «дракон», «цепи», «купальня» и «ваш хозяин очень красиво страдает», после чего отправляете. Без правок.

Кайрон впервые моргнул чуть медленнее обычного. Может, от фразы. Может, от того, что я вообще произнесла вслух то, что в приличном доме нужно было бы утопить в умывальном тазу.

- Последнее выражение в письмах использовать не рекомендую.

- Я тоже. Наставник расстроится, что его не позвали посмотреть.

Он сделал пометку в договоре. Почерк у него был тонкий, острый, как игла.

- Принимается. Что ещё?

- Я не обязуюсь не покидать дом. Я обязуюсь уведомлять, если уйду.

- Госпожа Вельс...

- Если вы хотите договор, в котором я добровольно становлюсь пленницей, принесите другой завтрак. Этот был недостаточно хорош.

Улыбка Кайрона стала немного уже.

- Вы понимаете, что ваше положение необычно?

- Моё положение всегда было необычно. Я бедная женщина в городе, где даже болезнь имеет цену. Но раньше хотя бы никто не называл это древним законом.

Он посмотрел на меня внимательнее. Потом медленно сложил руки на папке.

- Господин Арден, как я понимаю, уже успел предупредить вас о рисках.

- Туманно. Знатные люди считают, что если произносить страшные слова без пояснений, бедные сами упадут на колени.

- Вы не упали.

- Кровать слишком мягкая. Неудобно вставать обратно.

Кайрон вздохнул. Почти незаметно. Мне показалось, он уже начал понимать, почему Рейнар утром выглядел не только уставшим, но и слегка раздражённым жизнью.

- Хорошо, - сказал он. - Попробуем проще. Вы вошли в закрытое крыло во время приступа драконьей крови. Вы оказались единственным человеком за последние годы, чей прямой контакт не усилил приступ, а ослабил его. На вашей руке появился знак, природу которого нельзя определить без

специалистов, а специалистов нельзя вызывать, потому что каждый из них прежде всего служит не науке, а тому, кто платит за его лабораторию. Если сведения о вас выйдут за пределы этого дома, вас попытаются купить, похитить, обвинить в колдовстве, выдать за тайную любовницу, объявить шпионкой, использовать против господина Ардена или против его будущего брака. Иногда всё сразу. Поэтому мы не можем позволить вам просто выйти на улицу и вернуться к прежней жизни, будто ничего не случилось.

Он говорил спокойно, без угроз, и от этого каждое слово ложилось тяжелее. Я села напротив него. Не потому, что испугалась. Потому что ноги вдруг вспомнили ночь.

- Будущий брак, - повторила я.

- Да.

- У вашего господина есть невеста?

- Кандидатура.

- Леди Селена Вайр?

Теперь он точно удивился. Ненадолго, но я заметила.

- Вам назвали имя?

- Генерал перечислял людей, которые могут за мной прийти. Я стараюсь запоминать врагов поимённо.

- Разумно.

- Так вот почему все так нервничают? Империи нужен брак, а жених ночью сидит в цепях и не может позволить женщине подойти ближе трёх шагов?

Кайрон не ответил. И этим ответил.

Я откинулась на спинку кресла. Внутри неприятно шевельнулось чувство, которое я не сразу захотела назвать. Не ревность, конечно. Какая ревность? Я знала Рейнара меньше суток, причём большую часть этого времени он был прикован к стене, угрожал мне смертью, торговался и делал всё, чтобы выглядеть человеком, к которому разумные женщины не подходят. Но мысль о невесте всё равно задела, как плохо спрятанная булавка. Наверное, потому что ночью он смотрел на меня так, будто я была единственной живой женщиной в мире. А утром выяснилось, что где-то уже существует другая: подходящая, знатная, холодная, нужная Империи. Женщина, для которой, возможно, шили платье, готовили залы, составляли договоры и прятали истинную причину, по которой жениху требовались цепи.

- Прекрасно, - сказала я. - Значит, я не просто опасная свидетельница. Я ещё и неудобная подробность перед свадьбой.

- Если бы вы были только подробностью, разговор был бы короче.

- Утешили.

Кайрон подвинул ко мне договор.

- Господин Арден предлагает семь дней. Не вечность. За это время мы поймём, безопасен ли для вас контакт, повторится ли реакция и кто уже знает о ночном вызове. Вы получите деньги, защиту и право уйти после завершения срока. Взамен - молчание, осмотр и помощь во время приступов,

если они повторяются.

- Контакт, - сказала я. - Вы все любите это слово.

- А какое предпочитаете вы?

Я посмотрела в окно, где в саду шевелились красные листья. Сказать правду? Прикосновение. Жар. Кожа. Его выдох. Моя ладонь на плече мужчины, который всю ночь прикладывал мне не подходить, а потом сам попросил ещё раз. Но такие слова нельзя отдавать управляющим. Они превращают их в пункты договора.

- Лечение, - сказала я. - Я предпочитаю слово «лечение».

- Как угодно.

- И я не буду делать ничего, что выходит за пределы лечения.

Кайрон посмотрел прямо на меня, и впервые его вежливость стала почти сочувственной.

- Господин Арден этого и не требует.

- Я хочу, чтобы это было записано.

Он медленно кивнул.

- Будет записано.

Перо заскрипело по бумаге. Я следила за его рукой и вдруг поняла, что моя жизнь меняет форму прямо на этом столе. Ещё вчера я была помощницей лекаря, которая считала монеты, боялась долгов и ругалась с торговками за цену сушёных трав. Сегодня в договор вносили пункт о том, что дракон-генерал не имеет права требовать от меня ничего за пределами лечения. Мир не стал сказочным. Он стал хуже: сказ-

ки хотя бы честно предупреждают, что чудовище в замке хочет девушку себе. Здесь чудовище сидело в купальне на цепях, девушка сама положила руку ему на плечо, а утром всё это оформляли как временную службу с оплатой втрое выше обычной.

- Я подпишу, - сказала я. - На семь дней. Но если меня запрут, обманут, попытаются продать коллегии или выдадут за любовницу генерала, я уйду. С деньгами или без.

- За любовницу вас уже выдают, - сказал Кайрон. - Слуги начали примерно час назад.

- Быстрые.

- В этом доме давно не было молодой женщины, которую поселили бы рядом с хозяйским крылом после ночи в купальне.

Я закрыла глаза и медленно вдохнула.

- Замечательно.

- Хотите, мы пресечём слухи?

- Как?

- Строгими наказаниями.

Я представила, как из-за меня начнут увольнять кухарок, конюхов и горничных за то, что они делают единственное бесплатное дело, доступное прислуге в богатом доме: говорят. Стало противно.

- Нет. Слухи всё равно найдут щель. Лучше дайте им правильную форму.

- Какую?

- Что я помощница лекаря, которую оставили из-за редкой реакции на драконий жар. Скучно, почти правда и не требует представлять меня голой.

Кайрон посмотрел на меня с выражением человека, которому одновременно неудобно и интересно.

- Вы всегда так выражаетесь?

- После завтрака мягче, чем до.

Он внёс ещё одну пометку. Потом развернул договор ко мне. Я прочитала медленно, дважды, потому что бедных людей губит не мелкий шрифт, а вера в то, что богатые не станут обманывать там, где и так сильнее. Договор был лучше, чем я ожидала. Не добрый, нет. Договоры вообще редко бывают добрыми. Но в нём были деньги, срок, право отказаться от процедур, право отправить проверенные письма, право держать ключ от комнаты и пункт о том, что любое физическое взаимодействие проводится только с моего явного согласия и только в целях лечения. Формулировка была сухая, почти смешная, но я почему-то задержалась на ней дольше всего. Физическое взаимодействие. Явное согласие. Лечение. Как будто словами можно было обнести стеной то, что уже просочилось под кожу золотой нитью.

Я подписала.

Кайрон убрал договор в папку, поднялся и поклонился так, будто перед ним была не вчерашняя бедная помощница, а человек, чьё положение в доме ещё не определилось и потому требовало осторожности.

- Господин Арден просит вас прийти в малую купальню через два часа для повторного осмотра.

- Просит?

- Да.

- Вы уверены, что это его слово?

- Нет. Это моё улучшение.

- Передайте господину Ардену, что я приду, если успею поспать хотя бы час и если в купальне не будет цепей.

Кайрон задержался у двери.

- Цепи были не для вас.

- Вот пусть их там и не будет.

Когда он ушёл, я легла на кровать, не раздеваясь, и думала, что не усну. Разве можно уснуть в доме дракона, с договором на столе, золотой меткой под рукавом и слухами, которые уже бегают по коридорам быстрее мышей? Оказалось, можно. Тело не интересовалось величиим момента. Оно получило еду, чистую ткань, мягкую постель и решило умереть на час ради собственного спасения. Мне приснилась купальня, но не такая, как ночью. Во сне не было пара, цепей и лекаря на полу. Был только горячий камень, тёмная вода и Рейнар, стоящий спиной ко мне у края ванны. На его плечах проступали чёрные крылья, но, когда он обернулся, это оказались не крылья, а тени от оконных рам. Он протянул руку и сказал: «Не подходи, если хочешь жить». А я во сне ответила: «Тогда не зови».

Проснулась я от собственной дрожи.

Два часа ещё не прошли, но спать больше не хотелось. Я умыла лицо холодной водой, переплела волосы, проверила метку. Она стала чуть ярче. Или мне показалось. Я достала из сумки чистую ткань, маленький нож, флакон успокаивающего настоя, блокнот господина Лаура, который украла у него ещё месяц назад и так и не вернула, потому что он всё равно записывал туда только долги пациентов и рецепты от похмелья. На первой пустой странице я написала: «Пациент: Р.А. Приступ магического жара, связанный с драконьей кровью. Прямой контакт с кожей не вызвал ожога у помощницы. Отмечено снижение жара при касании. На коже помощницы след золотистого цвета. Не болит». Потом подумала и добавила: «Пациент крайне раздражителен, но не глуп». Ещё через мгновение: «Опасен. Очень». А потом, уже почти зло: «Не смотреть слишком долго».

Малая купальня находилась не там, где ночная. До неё меня проводила Агата, хотя дорогу я могла бы найти сама: внутренний коридор тянулся от моей комнаты через узкую галерею, где окна выходили в сад, потом сворачивал к арке с резными каменными листьями. Перед дверью стояли двое стражников. Оба сделали вид, что не узнали меня из утренних слухов. Один даже покраснел. Значит, слухи уже дошли до особо живописной стадии.

Внутри было светло. Не жарко, не страшно, не похоже на подземелье для дракона. Малая купальня скорее напоминала лекарскую комнату, которую богатый человек превра-

тил в произведение искусства: белый камень, низкая ванна с прозрачной водой, полки с травами, стол для перевязок, несколько ширм, большие окна под потолком. И никаких цепей. Я отметила это с раздражающим облегчением.

Рейнар стоял у окна. В чёрной рубашке, застёгнутой не до конца, с убранными назад волосами, в тёмных брюках и высоких сапогах. Без мундира, без доспеха, без оружия, если не считать самого себя. В дневном свете он выглядел менее чудовищем и от этого опаснее. Ночью его можно было списать на жар, пар, цепи и страх. Днём он был просто мужчиной, большим, тёмным, красивым в той мрачной манере, которую лучше замечать издалека, если хочешь сохранить остатки разума. Лаурис стоял у стола с перевязанной рукой и уже разложенными инструментами. Вид у него был недовольный. Кайрон расположился у двери с папкой. Похоже, моё лечение собирались превратить в заседание.

- Нет, - сказала я с порога.

Все трое посмотрели на меня. Даже Агата за моей спиной едва слышно вздохнула.

- Что теперь? - спросил Рейнар.

- Он выходит. - Я указала на Кайрона. - Она тоже. - На Агату. - Лекарь остаётся, потому что, как ни печально, он полезен. Но если он будет смотреть на меня как на лягушку перед вскрытием, выйдет следом.

Лаурис возмутился:

- Госпожа Вельс, вы не в том положении, чтобы...

- Я в положении человека, который подписал договор. Там написано про моё согласие. Моё согласие не любит зрителей.

Кайрон посмотрел на Рейнара. Агата тоже. Лаурис открыл рот, закрыл, снова открыл. Рейнар не сразу ответил. Он смотрел на меня с тем самым выражением, которое начинало меня злить и смущать одновременно: будто я была задачей, которую он не мог решить силой.

- Выйдите, - сказал он наконец.

- Господин, - начал Кайрон.

- За дверью.

Агата вышла сразу. Кайрон задержался на одно мгновение, но тоже подчинился. Дверь закрылась. В комнате остались трое: дракон, лекарь и женщина, которая вошла не туда, подписала договор и теперь пыталась сделать вид, что управляет ситуацией. Это почти удавалось, пока Рейнар не оттолкнулся от окна и не сделал шаг ко мне.

Метка под рукавом мгновенно потеплела.

Я стиснула пальцы.

- Не подходите, - сказала я.

Он остановился. Не потому, что испугался. Потому что услышал приказ в моём голосе и, кажется, решил проверить, как он звучит.

- Ты пришла меня осматривать, - сказал он.

- Я пришла лечить. Это не одно и то же. Сначала вы расскажете, что происходит с вашим телом во время приступа. Потом лекарь покажет записи. Потом я решу, нужен ли кон-

такт.

Лаурис издал тихий смешок, в котором было больше презрения, чем юмора.

- Вы решите?

Я повернулась к нему.

- Да. Потому что это моя рука почему-то не сгорела. Если хотите, можете назвать её временно главным инструментом вашего исследования. Инструмент решил, что будет участвовать в обсуждении.

Рейнар коротко выдохнул. Почти смех. Лаурис покраснел, но промолчал. Маленькая победа, конечно. Но в доме дракона приходилось собирать даже такие.

- Во время приступа, - начал Рейнар, - жар поднимается от сердца. Сначала грудь. Потом руки. Потом горло и глаза. Если я удерживаю его слишком долго, проступает чешуя. Если теряю контроль, огонь выходит наружу.

Он говорил ровно, будто докладывал о состоянии войск, но я видела, как напряглись его плечи. Ему было неприятно описывать себя как болезнь.

- Что вызывает приступ?

- Злость. Боль. Драконья магия рядом. Некоторые лекарства. Иногда сны.

- Желание? - спросил Лаурис.

Я не посмотрела на лекаря. Посмотрела на Рейнара. Он тоже смотрел на меня. В комнате стало слишком тихо. Вот оно, слово, которое ночью никто не произнёс, но которое

стояло между нами с самого первого прикосновения. Желание. Не только плотское, нет. Шире. Опаснее. Всё, что заставляло кровь идти быстрее, а тело вспоминать, что оно живое.

- Да, - сказал Рейнар.

Я заставила себя записать это в блокнот. «Желание». По черк вышел неровный.

- Поэтому вы избегаете женщин? - спросила я.

Лаурис снова хотел вмешаться, но Рейнар ответил первым:

- Я избегаю смерти рядом с собой.

- Женщины умирают?

- Могут.

- От прикосновения?

- От близости.

Слово ударило не по ушам, а куда-то ниже горла. Лаурис отвёл взгляд, делая вид, что изучает склянки. Рейнар не отвёл. Он будто нарочно заставлял меня выдержать всё значение сказанного. Близость. Не поцелуй даже, не постель, не то, о чём шептались на рынках и писали в дешёвых листках с неприличными картинками. Для него сама возможность хотеть женщину стала угрозой. И теперь я стояла перед ним, взрослая, живая, помеченная его огнём, и должна была решить, как лечить мужчину, для которого желание было равносильно оружию.

- А мужчины? - спросила я, чтобы не дать тишине побе-

дить.

- Что мужчины?

- Рядом с вами тоже умирают?

Он чуть нахмурился.

- Во время боя - часто.

- Я не об этом.

Лаурис кашлянул, уже почти задохнувшись от моего бесстыдства. Рейнар смотрел на меня несколько мгновений, потом понял, зачем я спросила. В его глазах мелькнула мрачная насмешка.

- Нет. Приступ связан не с людьми вообще, а с влечением.

- Значит, не магическая лихорадка в чистом виде, - сказала я, хватаясь за дело обеими руками. - А реакция крови на возбуждение, страх потери контроля и, возможно, запрет. Чем сильнее вы сдерживаете, тем сильнее давление.

- Ты говоришь так, будто это можно исправить дыханием и травами.

- Нет. Я говорю так, будто если всю жизнь запираешь котёл и подбрасывать дрова, однажды крышка пробьёт потолок.

- Предлагаешь снять крышку?

- Предлагаю сначала перестать сидеть на ней с мечом.

Лаурис всё-таки не выдержал:

- Это дилетантские рассуждения. Драконья кровь не кухонная печь. Генерал Арден страдает от сложного нарушения наследственной магической регуляции, усугублённого боевыми травмами и, возможно, проклятием. Простое при-

косновение не может являться устойчивым методом стабилизации.

- А серебряная пыль, которую вы вчера чуть не влили ему в глотку, может? - спросила я.

Он побледнел от злости.

- Доза была рассчитана.

- На здорового дракона из учебника. Перед вами был человек в приступе, прикованный к стене, с уже перегретым сердцем. Вы дали бы ему серебро - получили бы вспышку. Получили почти без него, между прочим.

Рейнар молчал. Но смотрел уже на Лауриса.

- Это правда? - спросил он.

Лекарь сжал губы.

- В теории существовал риск обратной реакции, но без подавителя...

- Это правда?

- Да, - процедил Лаурис. - Но её метод не менее опасен. Мы не знаем, почему контакт с ней сработал. Возможно, следующий контакт убьёт её или вас. Возможно, метка уже означает заражение драконьим полем. Возможно, она не гасит ваш жар, а принимает его в себя, и последствия проявятся позже.

Вот это было неприятно. Потому что я сама думала о том же, но слышать это вслух не хотелось. Рейнар посмотрел на мою руку. Не на лицо. На рукав.

- Покажи, - сказал он.

- Попросите.

Лаурис закрыл глаза так, будто собирался умереть от моего воспитания. Рейнар медленно поднял взгляд к моему лицу. И, к моему удивлению, не стал спорить.

- Покажи, пожалуйста.

Слово прозвучало непривычно. Не мягко, но честно, будто он достал его из старого сундука, где такие вещи хранились на случай дипломатических переговоров с особенно упрямыми королевствами. Я расстегнула манжет и подняла рукав. Золотистая прожилка теперь была хорошо видна. Она изгибалась от основания большого пальца к запястью тонким узором, похожим на крошечную ветвь молнии. Лаурис шагнул ближе, но я подняла руку выше, не давая ему схватить меня без разрешения.

- Смотреть можно. Трогать - нет.

Он остановился, скрипнув зубами. Рейнар не двигался. Просто смотрел. И чем дольше смотрел, тем сильнее менялось его лицо. Там были тревога, узнавание и что-то ещё, почти болезненное. Он видел не просто знак. Он видел приговор или надежду, и я пока не знала, что хуже.

- Что это? - спросила я.

Лаурис молчал.

Рейнар тоже.

- Мне нравится, когда люди делают вид, что я мебель, - сказала я. - Но в этот раз попробуем иначе. Что это?

Рейнар медленно подошёл ближе. Не вплотную. остано-

вился на расстоянии вытянутой руки. Метка стала тёплой настолько, что я почувствовала её без касания. Его взгляд поднялся к моему лицу.

- Возможно, след совместимости.
- Какой ещё совместимости?
- Драконьей.
- Я не дракон.
- Теперь это не так очевидно.

Я засмеялась. Не потому, что было смешно. Потому что иначе пришлось бы выругаться, а перед лекарем и генералом я всё-таки старалась сохранить остатки изящества.

- У меня отец был сапожником, мать стирала бельё для казарм, а из всего драконьего у нас в семье был только сосед, который после третьей кружки обещал сжечь налоговую управу.

- Драконья кровь не всегда проявляется открыто, - сказал Лаурис, уже забыв о злости ради науки. - Бывают дальние линии, незаконные ответвления, смешанные браки, скрытые носители. Иногда способность обнаруживается при контакте с сильным источником...

- Нет, - перебила я. - Сегодня это слово снова пригодилось. Не надо делать из моей матери тайную любовницу какого-нибудь чешуйчатого графа.

Рейнар чуть заметно поморщился.

- Не обязательно кровь. Совместимость может быть не родовой.

- То есть?

Он не ответил сразу. И мне это совсем не понравилось.

- То есть? - повторила я.

- Бывают связи, которые выбирает сама драконья магия.

Лаурис тихо сказал:

- Господин Арден, не стоит преждевременно...

- Она имеет право знать, чего вы оба так боитесь, - резко

сказала я. - Особенно если это уже на моей коже.

Рейнар долго смотрел на меня. Потом произнёс:

- В древних хрониках это называли знаком пары.

Я не сразу поняла. Вернее, поняла слишком быстро, но разум отказался принимать смысл.

- Пары, - повторила я.

- Не брачной. Не обязательно. Не в человеческом смысле.

- Какое облегчение.

- Это редкость, почти легенда. Драконья кровь иногда выбирает человека, рядом с которым огонь становится управляемым. Не слабым. Управляемым. Такой человек способен выдерживать жар, иногда принимать часть магии, иногда...

- Иногда?

Он сжал челюсть.

- Иногда связь становится необратимой.

Комната качнулась. Не сильно. Просто на миг белые стены, вода, стол с инструментами и два мужских лица отошли чуть дальше, чем должны были. Я опустила рукав. Медленно. Аккуратно застегнула манжет, потому что руки нужно

было чем-то занять.

- Поздравляю, - сказала я наконец. - Это худшее предложение руки, которое я слышала.

Лаурис издал возмущённый звук.

- Никто не предлагает вам...

- А выглядит именно так. Сначала я вхожу не в ту дверь, потом меня метит драконий жар, потом выясняется, что древняя магия решила поиграть в сваху, а в соседней комнате уже лежит договор на семь дней. Очень удобно.

Рейнар шагнул ко мне, но я сразу подняла руку.

- Не подходите.

Он остановился. На этот раз в его лице не было ни власти, ни раздражения. Только мрачная сдержанность.

- Мира, я не выбирал этого.

- А я тем более.

- Я не стану использовать знак против тебя.

- Но другие станут.

- Да.

- И вы тоже, если приступ повторится.

Он молчал. Вот за это я почти уважала его в тот момент. Он не стал лгать. Не сказал, что никогда. Не произнёс красивую чушь о благородстве. Он просто стоял передо мной и молчанием признавал: если огонь снова начнёт убивать его изнутри, моя рука станет единственным спасением. А спасение редко спрашивают, удобно ли ему быть спасением.

- Поэтому я и говорю: не подходи, если хочешь жить, -

сказал он наконец. - Не потому, что хочу прогнать. Потому что рядом со мной всё живое однажды становится частью войны.

Я смотрела на него и вдруг почувствовала усталость такую глубокую, будто вся ночь вернулась в кости. Он был опасен. Нестерпимо опасен. Не только огнём. Не только властью. А тем, что говорил правду тогда, когда ложь была бы для меня спасительнее. С лжецами проще. Их можно ненавидеть без остатка. А он стоял в дневном свете, с расстёгнутым воротом, с тенью дракона под кожей, и честно предупреждал меня не подходить, хотя ночью сам попросил о прикосновении. И я, дура, понимала, что это предупреждение не отталкивает. Оно тянет сильнее.

- Поздно, - сказала я. - Я уже подошла.

Метка под рукавом стала горячее, будто слышала эти слова раньше него. Рейнар не ответил. Но золото в его глазах вспыхнуло - не как приступ, не как угроза, а как первый огонь в тёмной комнате, где оба уже знали: если не отступить сейчас, дальше будет только жарче.

Глава 3. Изъян генерала

После слов о том, что я уже подошла, в малой купальне стало тихо так, будто все трое одновременно услышали треск льда под ногами и теперь ждали, кто первым провалится. Лаурис стоял у стола с таким видом, словно его заставили присутствовать при обряде дикарей, но уйти он не мог: любопытство держало его крепче любой цепи. Рейнар смотрел на меня, и я впервые заметила, что золото в его глазах не всегда означало приступ. Ночью оно было болью, жаром и угрозой, но сейчас казалось совсем иным - не пламенем в печи, а светом из глубокой щели, куда лучше не заглядывать, если не хочешь увидеть, насколько далеко под землёй что-то движется. Он не сделал ни шага, не поднял руки, не произнёс приказа, но я всё равно почувствовала, как пространство между нами натянулось. Если бы я протянула руку, смогла бы коснуться его груди сквозь расстёгнутый ворот рубашки. Если бы он протянул руку, смог бы коснуться моей метки. И именно потому, что оба это понимали, никто не двигался.

Первым не выдержал Лаурис. Он откашлялся, поправил перевязь на обожжённой руке и заговорил голосом человека, который отчаянно пытается вернуть происходящее в рамки разумного, бумажного, лекарского мира, где у каждого явления есть название, причина, метод наблюдения и цена консультации. По его мнению, дальнейшие проверки нужно бы-

ло проводить постепенно: сначала измерить температуру кожи Рейнара на расстоянии, затем посмотреть, как реагирует моя метка на его приближение, затем позволить короткий контакт через ткань, потом, если не будет всплеска жара, через мокрую повязку, и только в самом крайнем случае - прямое касание. Он говорил долго, подробно, с тем особым удовольствием, которое испытывают образованные люди, когда облачают чужой ужас в красивые термины. «Резонанс крови», «проводник внешнего контура», «контролируемая передача жара», «стабилизация драконьего поля». Слова падали на белый камень купальни, сухие и аккуратные, но за ними всё равно стояло простое: мне предлагали снова коснуться мужчины, который мог убить меня собственным желанием.

- Нет, - сказала я, когда Лаурис наконец замолчал, ожидая если не благодарности, то хотя бы признания его превосходства.

Он закрыл глаза. Кажется, сегодня я постепенно разрушала в нём веру в воспитание женщин низшего сословия.

- Госпожа Вельс, - процедил он. - Если вы намерены отвечать этим словом на каждое разумное предложение, наше сотрудничество окажется затруднительным.

- Ваше предложение разумно только для человека, который собирается смотреть со стороны. Для меня оно звучит так: «Подойдите к дракону, а мы запишем, как именно вы загорелись». Я не против науки, господин лекарь. Просто

предпочитаю не становиться её самым коротким примечанием.

- Я не позволю ей касаться меня, - сказал Рейнар.

Лаурис и я одновременно посмотрели на него. Он произнёс это ровно, без пафоса, но в голосе слышалось то упрямство, от которого рушились не разговоры, а планы армий. На миг я даже почувствовала раздражение. Не благодарность за заботу, не облегчение, а именно раздражение, потому что он опять решил всё за меня, пусть и в мою пользу. Странное дело: когда мужчина запрещает тебе опасность, это иногда оскорбляет почти так же, как если бы он тебя в неё толкал. Особенно если эта опасность уже оставила на твоей коже золотой след и теперь будто тихо дышит под рукавом.

- Вы не позволите? - переспросила я.

Рейнар повернул ко мне голову.

- Да.

- А моё мнение в каком шкафу лежит? Чтобы я знала, где искать.

- Твоё мнение я уже слышал. Ты считаешь, что поздно.

- Я считаю, что если я оказалась втянута в вашу драконью беду, то хотя бы имею право понимать, с чем имею дело.

- Смертью.

- Это я поняла ещё ночью. Уточняю подробности.

Он смотрел на меня долго, и чем дольше смотрел, тем меньше в его взгляде оставалось холодной власти и тем больше - усталого гнева. Не на меня. На себя, на болезнь, на древ-

ние хроники, на тех, кто, возможно, когда-то положил начало роду Арденов и решил, что кровь с огнём внутри - это дар, а не приговор. Лаурис осторожно кашлянул, собираясь снова влезть между нами со своими терминами, но Рейнар коротко поднял руку, и лекарь замолчал. В этом жесте не было угрозы, только привычка к беспрекословному подчинению. Я подумала, что такой жест мог остановить отряд на поле боя. Мог отправить людей на смерть. Мог приказать закрыть ворота перед горящим городом. И оттого особенно странно было видеть, как эти же пальцы несколько часов назад дрогнули под моим прикосновением.

- Хочешь подробностей? - спросил Рейнар.

- Да.

- Тогда слушай и не перебивай.

- Не обещаю.

Он почти усмехнулся, но не позволил себе. Вместо этого отвернулся к окну, будто говорить о себе ему было легче, когда он смотрел не на людей, а на кусок бледного неба над внутренним садом. В дневном свете его профиль казался вырезанным из тёмного металла: прямой нос, резкая линия скулы, плотно сжатый рот, тень у виска там, где прятался старый шрам. Не лицо соблазнителя из дешёвых романов, не придворного красавца, которого описывают при свечах и розовых занавесях. Лицо человека, слишком долго жившего среди приказов, ран и решений, после которых спят только те, у кого нет совести или она уже стала частью брони.

- В роду Арденов всегда было много огня, - начал он. - Так говорят в хрониках. Красиво, правда? Огонь в крови, драконья доблесть, меч Империи, северный щит, пламя на службе трона. На гербах это выглядит достойно. На балладах - ещё лучше. Люди любят петь о драконах, когда дракон горит за них, а не рядом с ними. В детстве мне говорили, что наша кровь - благословение. Что настоящий Арден должен уметь держать жар в груди и выпускать его только против врагов. Меня учили драться раньше, чем танцевать. Учили терпеть боль раньше, чем просить помощи. Учили не плакать, потому что слёзы - вода, а вода не к лицу огню. Глупость, конечно, но детям дают глупости под видом закона, и некоторые из них потом всю жизнь принимают это за кость собственного скелета.

Я не перебивала. Даже язык, обычно стремившийся первым броситься под копыта, почему-то притих. Лаурис тоже молчал, хотя по лицу его было видно: часть этих сведений он слышал впервые и теперь жадно складывал их в голове, как редкие травы в стеклянные банки.

- Первые приступы начались, когда мне было четырнадцать, - продолжил Рейнар. - Тогда это считали пробуждением силы. Я мог нагреть клинок, остановить холод, поджечь масло одним прикосновением. Отец гордился. Учителя гордились. Дом гордился. Я тоже, наверное. В четырнадцать легко перепутать страх других с собственной значимостью. Потом приступы стали сильнее. Я злился - и трескались стёк-

ла. Бился на тренировке - и у противника плавилась гарда. Пугался во сне - и простыни тлели. Тогда мне впервые надели серебряные браслеты. Не как наказание, нет. Как предосторожность. Мне объяснили, что дракон должен привыкать к узде, если хочет остаться человеком.

Он произнёс это почти спокойно, но я вдруг ясно представила мальчика четырнадцати лет, которому взрослые мужчины с серьёзными лицами надевают на руки серебро и называют это заботой. Мальчика, чья кровь просыпается раньше, чем он успевает понять собственное тело. Мальчика, которому говорят: ты великое оружие, только не дыши слишком глубоко, не чувствуй слишком сильно, не хоти слишком явно, иначе все увидят, что оружие может повернуться не в ту сторону. Я не знала, что сказать. В Нижних кварталах детей тоже ломали рано, но обычно без такой красивой родословной.

- А потом? - спросила я тише.

- Потом я вырос.

Он сказал это так, будто в этом и заключалась главная катастрофа.

- Силы стало больше. Тела тоже. Желаний тоже. В шестнадцать я поцеловал девушку на конюшне. Дочь одного из младших управляющих. Она сама пришла, если тебе важно знать.

- Важно.

- Она сама пришла, - повторил он. - Я не заставлял. Не

угрожал. Не обещал жениться. Мы были детьми, которым казалось, что весь мир - это тёмный угол за стойлом и чужие шаги за стеной. Я коснулся её лица, она засмеялась, потом перестала смеяться. Не сразу. Сначала сказала, что ей жарко. Потом начала задыхаться. Я не понимал, что происходит. Думал, она пугается. Думал, я неловко держу её. Думал о чём угодно, кроме правды. Когда прибежали слуги, у неё на шее уже были ожоги от моих пальцев.

Лаурис опустил взгляд. Я не смогла. Смотрела на Рейнара, хотя он всё ещё стоял боком, и видела, как под тканью его рубашки чуть напряглись плечи. Вот он, первый настоящий изъян. Не болезнь, не метка, не драконья кровь. Память о чужом крике, который однажды случился из-за твоего желания.

- Она умерла? - спросила я.

- Нет. Выжила. Её семью щедро оплатили, отправили далеко, дали дом, землю, новую фамилию. Официально она получила ожоги во время пожара в конюшне. Неофициально мне запретили оставаться наедине с женщинами без защиты, пока я не научусь контролировать кровь.

- И научились?

Он повернулся ко мне. Взгляд был тяжёлый.

- Как видишь.

Молчание снова расплзлось по купальне, только теперь оно было не напряжённым, а горьким. Я могла бы язвить. Сказать, что у богатых даже несчастья оплачиваются лучше,

чем у бедных счастье. Могла бы спросить, сколько стоит девичья шея, обожжённая сыном великого рода. Но не сказала. Не потому, что пожалела его сильнее той девушки. Нет. Просто поняла, что он уже задавал себе эти вопросы тысячу раз, и мои слова ничего бы не добавили, кроме дешёвой жестокости.

- После этого были другие случаи? - спросила я.

- Почти.

- Почти?

- Я больше не позволял случиться достаточно близко. Бывали приступы рядом с женщинами, которые пытались проверить слухи, польстить роду, забраться в постель к герою войны или доказать себе, что драконов можно приручить кружевом. Я научился чувствовать момент, когда жар поднимается слишком высоко. Обычно успевал уйти. Иногда - вытолкнуть женщину за дверь. Однажды сломал запястье придворной даме, потому что оттолкнул слишком резко. Она потом рассказывала, что я груб и холоден. Это была самая мягкая правда из возможных.

- А война? - спросила я. - Там приступы тоже были?

Рейнар усмехнулся без улыбки.

- На войне приступы ценили. Там никто не спрашивал, больно ли огню, когда он горит. Императорские командиры быстро поняли, что если направить меня туда, где нужно сломать ворота, поджечь осадную башню или заставить врага поверить в древние сказки, я полезен. Люди боятся дра-

конов. Особенно когда дракон носит человеческое лицо и имперский мундир. Я стал генералом не только потому, что умел думать. Я стал им потому, что в нужный момент мог перестать быть полностью человеком.

В этих словах не было гордости. Даже презрения к себе - и того почти не было. Только сухой отчёт. Так кузнец мог бы говорить о молоте, который хорошо дробит кости, если его использовать не по назначению.

- Тогда почему сейчас всё хуже? - спросила я. - Если вы столько лет удерживали это.

Лаурис снова поднял голову, и я поняла, что мы подошли к той части, ради которой он и терпел мой голос. Рейнар вернулся к столу, сел на край перевязочной кушетки и медленно расстегнул ещё две пуговицы рубашки. Движение было практичным, почти небрежным, но у меня всё равно пересохло во рту. Он не раздет был - не так, как ночью, когда боль и пар снимали с тела всякую двусмысленность. Сейчас он делал это в светлой комнате, при мне, осознанно, и оттого открывшаяся полоска кожи между краями чёрной ткани показалась мне неприличнее, чем его обнажённая грудь в купальне. Я разозлилась на себя и уставилась в блокнот так, будто там была написана молитва против глупости.

- После Северной войны, - сказал Лаурис, с явным облегчением хватаясь за лекарскую часть разговора, - у господина Ардена участились приступы неконтролируемого жара. Вероятно, из-за истощения крови, повреждения внутренних

магических каналов и травмы, полученной во время взятия крепости Хольм. Там использовались старые противодраконы артефакты. Их точная природа неизвестна, но воздействие могло нарушить естественную регуляцию огня.

- Переведите с лекарского на человеческий, - сказала я.

Рейнар ответил вместо него:

- Меня ранили оружием, предназначенным убивать таких, как я. Я выжил. Огонь - тоже. Но теперь он хуже слушается.

- И поэтому вы садитесь на цепь?

- Иногда.

- Кто надевает?

- Я сам.

Я резко подняла глаза. Он сказал это без вызова. Просто факт. Но этот факт почему-то ударил сильнее рассказа о серебряных браслетах в детстве. Одно дело - когда тебя сковывают другие. Другое - когда ты сам берёшь цепь, потому что не доверяешь себе настолько, чтобы встретить ночь свободным.

- Сам? - переспросила я.

- Да. Агата проверяет замки. Кайрон выставляет людей у дальних дверей. Лекарь приходит, если приступ сильный.

- А если приступ связан с желанием? - спросила я, хотя знала, что Лаурис в эту секунду мысленно проклинает меня всеми медицинскими богами. - Вы тоже сами?

Рейнар посмотрел на меня. Я выдержала. Пусть краснеет кто-нибудь другой. Я не собиралась делать вид, что в комна-

те говорят только о температуре и серебряной пыли.

- Если я чувствую, что могу захотеть женщину, - произнёс он медленно, - я ухожу раньше, чем это станет её проблемой.

- Всегда?

- До прошлой ночи - да.

Метка под рукавом будто ожила. Я машинально прижала руку к боку, но это не помогло. Его слова не были признанием. Не должны были быть. С лекарской точки зрения он сказал только, что мой контакт оказался исключением из прежнего правила. Но в голосе его было нечто такое, от чего холодная белая купальня вдруг сделалась тесной. Лаурис отступил к столу и начал перекладывать склянки с подчёркнутым вниманием человека, который хочет показать, что не имеет отношения к чужому безумию.

- Вы хотите сказать, что прошлой ночью захотели меня? - спросила я.

Это был плохой вопрос. Неблагоразумный. Слишком прямой. Его не следовало произносить при лекаре, в доме, где слухи уже бегали по лестницам, в ситуации, когда моя безопасность и так висела на тонкой нити. Но я устала от недомолвок. Слишком много мужчин вокруг меня говорили о моей руке, метке, возможной совместимости, опасности и договоре, старательно обходя простую вещь: между мной и Рейнаром с первой ночи стояла не только магия. Там было тело. Его и моё. И если он собирался прятать это за древними хрониками, я предпочитала знать сразу.

Лаурис выронил крышку от склянки. Она звонко удари-
лась о камень.

Рейнар не отвёл взгляд.

- Да, - сказал он.

Одно слово. Без украшений. Без попытки смягчить. Без той сальной улыбки, которой другие мужчины обычно сопровождали подобные признания, будто делали женщине подарок. Он сказал это как приговор самому себе, и потому мне стало не победно, а страшно. Внутри поднялось тепло, совсем не похожее на стыд. Оно было ниже, глубже, опаснее, и я вдруг поняла, что спрашивала не только ради правды. Я хотела услышать ответ. Хотела - и злилась за это на него, на себя, на драконью кровь и на всю Империю с её браками, войнами и проклятыми генералами.

- И я не умерла, - сказала я.

- Поэтому ты здесь.

- Как лекарство?

- Нет.

- Как исключение?

- Да.

- Как женщина?

Он молчал дольше, чем следовало. За окнами садовый куст ударил веткой по стеклу, и этот слабый звук прозвучал почти грубо в неподвижном воздухе.

- Мира, - сказал он наконец. - Если я отвечу так, как ты спрашиваешь, тебе лучше будет выйти из этой комнаты.

- Почему?

- Потому что я уже сказал: я уйду раньше, чем желание становится проблемой женщины.

- А если женщина сама не уходит?

- Тогда она глупа.

- Возможно.

- Или не понимает, рядом с чем стоит.

- Это вы уже говорили.

- Значит, скажу ещё раз. Я не мужчина из твоих Нижних кварталов, который может напиться, сорвать с женщины платье и наутро получить по лицу от её брата. Я не любовник из дешёвого романа, которого исправит одна добрая ночь. Я не зверь, которого приручают лаской. Если я потеряю контроль, ты можешь умереть. Не образно. Не репутацией. Не разбитым сердцем. Телом. Кожей. Дыханием. И если я буду желать тебя достаточно сильно, опасность станет выше.

Вот теперь я отвела взгляд. Не от страха - хотя страх был. От того, что он произнёс «желать тебя» так, будто в словах уже была часть прикосновения. И от того, что моё тело, предательское и живое, ответило на них быстрее, чем разум успел поднять руку и потребовать тишины. Я смотрела на свой блокнот, на неровную строчку «Желание», на кляксу рядом, и думала: надо уйти. Прямо сейчас. Закрывать договор, потребовать деньги за ночь, спуститься по лестнице, выйти за ворота, вернуться в Нижние кварталы и всю жизнь при виде огня вспоминать, как однажды дракон признался, что

хочет меня, и запретил мне подходить ради моего же спасения. Это был хороший план. Здравый. Почти прекрасный.

- Покажите рану после Хольма, - сказала я.

Рейнар смотрел на меня так, будто я ударила его и поцеловала одновременно, хотя не сделала ни того, ни другого.

- Ты не слышала ни слова?

- Услышала. Все. Особенно про то, что если вы будете желать меня достаточно сильно, я могу умереть. Очень вдохновляющий разговор. Теперь покажите рану. Я всё ещё помощница лекаря, а не балладная дура, которая падает в обморок от красивой угрозы.

Лаурис судорожно вдохнул, но вмешиваться уже не решился. Рейнар медленно снял рубашку с плеч. Не полностью - просто освободил левую сторону груди и бок, где под рёбрами тянулся длинный неровный след. Шрам был старый, но странный: не белый, не красный, а тёмно-серебристый, будто под кожей застыла тонкая металлическая пыль. Вокруг него расходились мелкие золотые трещинки, едва заметные в обычном свете. Я подошла ближе, прежде чем успела испугаться. Остановилась на расстоянии вытянутой руки. Метка на моей ладони вспыхнула теплом. Рейнар заметил, но ничего не сказал.

- Можно? - спросила я.

Он напрягся. Вот теперь я поняла, как много значил этот вопрос. Ночью я прикоснулась к нему почти вопреки запрету. Тогда всё случилось на краю боли, смерти и необходимости.

сти. Сейчас я спрашивала при свете дня, когда не было цепей, когда он мог отступить, отказать, приказать мне выйти. И его тело ответило раньше голоса: плечи окаменели, дыхание стало тише, пальцы сжались на краю кушетки. Большой, страшный, прославленный мужчина боялся не моего касания, а того, что оно снова окажется возможным.

- Через ткань, - сказал он.

- Хорошо.

Я взяла чистую тонкую салфетку, смочила её прохладной водой и осторожно приложила к краю шрама. Рейнар резко вдохнул. Я замерла.

- Больно?

- Нет.

Лжец. Больно было, но не так, как от раны. Я видела. Есть боль, от которой люди отдёргиваются. А есть такая, от которой становятся неподвижными, потому что любое движение разрушит последнюю защиту. Я повела салфеткой вдоль шрама. Тёмное серебро под кожей будто откликнулось глухим холодом. Странно: вся его болезнь была жаром, но этот след хранил холод. Не ледяной, а мёртвый, металлический, как монета на языке.

- Это не просто повреждение каналов, - сказала я.

Лаурис фыркнул.

- Разумеется, простым повреждением это не является. Я же говорил о противодраконьем артефакте.

- Нет. Я не об этом. Тут холод. Он не ушёл. Он сидит в

шраме и заставляет огонь биться сильнее вокруг него.

Лаурис подошёл ближе.

- Вы чувствуете это через ткань?

- Да.

Рейнар смотрел на мою руку. Вернее, на то место, где салфетка отделяла мои пальцы от его кожи. Чем дольше я держала прикосновение, тем теплее становилась метка. Но жар уже не просто шёл от него ко мне. Впервые мне показалось, что я чувствую направление: от его сердца к шраму, от шрама обратно, рывками, как вода, которую пытаются загнать через слишком узкое горло. Там действительно что-то мешало. Не только желание, не только страх, не только кровь. В нём сидела чужая заноза, глубоко, давно, почти сросшаяся с телом. И каждый раз, когда Рейнар сдерживал огонь, эта заноза заставляла пламя искать другой выход.

- В Хольме вас не просто ранили, - сказала я. - Вас заперли изнутри.

Лаурис замер. Рейнар не двигался.

- Что? - спросил он.

- Не знаю, как назвать правильно. Проклятие, артефакт, осколок, чужая магия. Но это не просто шрам. Представьте плотину на реке. Вода всё равно идёт. Если ей закрыть русло, она найдёт трещину, подмоет берег, прорвёт землю. Ваш огонь не усилился сам по себе. Его заставляют биться о запертую дверь. Чем больше вы сдерживаетесь, тем страшнее удар.

Лаурис смотрел на меня уже без презрения. Это было почти неприятнее.

- Откуда вы это знаете?

- Не знаю. Чувствую.

- Ненаучно.

- Зато полезно.

Рейнар медленно накрыл мою руку своей.

Я не успела отступить. Его ладонь легла поверх моей, прижимая салфетку к шраму. Не грубо, не властно, но достаточно крепко, чтобы я ощутила каждую линию его пальцев. Тепло ударило сразу. Не обжигающее, но сильное, густое, будто кто-то открыл дверцу печи не наружу, а прямо во мне. Метка вспыхнула, и на мгновение белая купальня поплыла в золотом свете. Я услышала, как Лаурис сказал что-то резкое, но слова распались. Остались только рука Рейнара на моей, его кожа под тканью, холод шрама и огонь вокруг него. Это было слишком близко. Слишком интимно для действия, которое можно было записать как осмотр. Мы стояли почти рядом, его грудь поднималась и опускалась в нескольких вершках от моего плеча, а его пальцы держали мою руку так, будто отпускать было опасно не только для меня.

- Вот, - сказал он низко. - Это?

Я поняла не сразу. Потом почувствовала. Под шрамом что-то дрогнуло - маленький чёрный узел холода, окружённый огнём. Я не видела его глазами, но знала, что он там, как знаешь, где болит собственное тело. Только это было не моё

тело. Или уже не совсем не моё, потому что метка на руке откликалась так, будто тянула из меня ответ.

- Да, - прошептала я. - Там.

Рейнар закрыл глаза. Его пальцы на моей руке стали крепче. Жар поднялся, но не взорвался. Он шёл через меня, вокруг меня, во мне, и я с ужасом поняла, что часть его действительно входит в моё тело. Лаурис был прав. Возможно, я не гасила огонь. Возможно, принимала его. Только вместе с этим жаром приходила не боль, а странная, почти неприличная полнота ощущений: тяжесть его руки, близость его дыхания, запах дыма и чистой кожи, напряжение в его груди, сдержанное желание, от которого у меня самой подкашивались колени. Я могла бы выдернуть руку. Должна была. Но вместо этого стояла и дышала так медленно, как только могла, будто от моего дыхания зависело, прорвёт ли плотину.

- Достаточно, - резко сказал Лаурис. - Господин Арден, отпустите её. Сейчас же.

Рейнар открыл глаза. Золото в них стало ярким. Очень ярким. Но он услышал. Медленно, почти с усилием, убрал руку. Я отступила на шаг и едва не споткнулась о край ковра. Лаурис подхватил меня за локоть, но я тут же высвободилась. После ладони Рейнара любое другое прикосновение казалось грубым.

- Я в порядке, - сказала я.

Это была не совсем правда. Сердце билось так, будто я бежала по лестнице. Кожа под рукавом горела. Но ожога не

было. Я разжала пальцы: золотая прожилка стала длиннее, поднялась к запястью и разветвилась ещё одной тонкой линией. Лаурис выругался шёпотом, явно забыв, что образованные люди должны страдать изящнее. Рейнар увидел тоже. И в его лице сразу погасло всё, кроме вины.

- Я сказал, что не позволю тебе касаться меня, - произнёс он.

- А потом сами положили руку сверху.

- Да.

- Значит, у нас обоих плохо с самоконтролем.

- Это не смешно.

- Я знаю.

И я действительно знала. Потому что если первое прикосновение ночью можно было объяснить необходимостью, второе - осмотром, то это, последнее, уже не помещалось в прежние слова. Он хотел проверить шрам. Да. Он хотел понять, чувствую ли я то же. Да. Но ещё он хотел снова ощутить, как огонь перестаёт быть одиночеством. А я хотела понять, что будет, если не отдернуть руку сразу. Ответ оказался хуже, чем я ожидала: ничего не сгорело. Ничего не погибло. Никто не закричал. Просто связь стала на одну золотую линию глубже.

В дверь постучали. Не осторожно, как стучала Агата, а быстро и требовательно. Кайрон не стал ждать приглашения полностью; дверь приоткрылась, и он заглянул внутрь, сохраняя на лице вежливость, которая могла пережить даже

нападение разбойников.

- Господин Арден, простите. Прибыл императорский го-
нец. Требуется немедленного ответа.

Рейнар резко застегнул рубашку. Я машинально отверну-
лась, будто только теперь вспомнила о приличиях, хотя при-
личия давно лежали где-то у порога, растоптанные драко-
нней магией и моим собственным любопытством.

- Что случилось? - спросил он.

Кайрон вошёл и закрыл дверь. Лицо его было спокойным,
но глаза стали холоднее.

- Дата свадебного смотра перенесена. Не через месяц. Че-
рез пять дней.

Лаурис тихо выдохнул. Рейнар не изменился в лице, толь-
ко пальцы на пуговице замерли.

- Причина?

- Император желает ускорить переговоры с домом Вайр.
Леди Селена прибудет в столицу завтра. Её семья настаивает
на личной встрече с вами до официального смотра.

Я стояла у стола, всё ещё чувствуя жар в руке, и слуша-
ла так, будто разговор не имел ко мне отношения. Свадеб-
ный смотр. Леди Селена. Дом Вайр. Император. Всё то, что
существовало в высоких комнатах, на гербовых бумагах, за
столами, где люди делили судьбы так же просто, как хлеб.
И где-то посреди этого стоял Рейнар - мужчина, который не
мог безопасно желать женщину, но обязан был жениться ра-
ди Империи. И я - помощница лекаря с золотой меткой на

руке, которую древняя драконья магия, возможно, уже вписала в строку договора, где моего имени быть не должно.

- Госпожа Вельс, - сказал Кайрон, поворачиваясь ко мне.
- Вам лучше вернуться в комнату.
- Потому что разговор не для меня?
- Потому что теперь всё стало сложнее.

Я посмотрела на Рейнара. Он стоял неподвижно, как тёмная башня перед бурей. В нём снова не было ни ночной уязвимости, ни той опасной близости, которая возникла минуту назад. Генерал вернулся. Дом Арденов вернулся. Империя положила руку ему на плечо, и он снова стал не мужчиной со шрамом, а оружием, которому назначили брак.

- Нет, - сказала я.

Кайрон моргнул. Лаурис устало прикрыл лицо здоровой рукой. Рейнар медленно повернул голову ко мне.

- Мира.
- Не начинайте. Если через пять дней вам нужно изображать перед невестой здорового жениха, а я, как выяснилось, единственная, кто может удержать вас от превращения свадьбы в костёр, разговор как раз для меня.
- Ты не будешь участвовать в этом.
- Уже участвую. Метка на руке. Договор на столе. Слухи в коридоре. Хотите вы или нет, но я уже часть вашей проблемы.
- Я не хочу, чтобы ты ею была.
- Очень трогательно. Но ваша драконья кровь, кажется, не

спросила вашего мнения. Моё, кстати, тоже.

Кайрон смотрел на нас с выражением человека, который видит, как на его аккуратно выстроенную шахматную доску забралась живая кошка и начала двигать фигуры хвостом. Лаурис выглядел так, будто пытался решить, что опаснее: мой язык, шрам Рейнара или прибытие леди Селены. Рейнар же молчал. И в этом молчании было слишком много всего: ярость, усталость, долг, желание, вина и то самое проклятое благородство, которым мужчины иногда ранят не хуже подлости.

- Ты не понимаешь, что такое дом Вайр, - сказал Кайрон осторожно. - Леди Селена не просто невеста. Её род контролирует половину восточных провинций, императорскую казну в военной части и три голоса в совете. Этот брак должен закрыть вопрос наследования Арденов и вернуть генералу политическую устойчивость после войны.

- Переведу, - сказала я. - Ваш хозяин должен жениться, чтобы его не сожрали.

- Грубо, но верно.

- А если его будущая жена узнает, что он может её убить от одного слишком удачного поцелуя?

Кайрон не ответил.

- Значит, не должна узнать, - сказала я.

Рейнар шагнул ко мне. На этот раз я не сказала «не подходите». Он остановился сам, сохранив между нами расстояние, но его присутствие всё равно стало ближе, чем нужно.

- Я не женюсь на Селене, если риск останется прежним.
- Императору понравится?
- Император переживёт.
- А вы?
- Это не твоя забота.

Вот за это я почти возненавидела его. Не по-настоящему, нет. Но на миг захотелось сказать что-то злое, острое, непоразимое. Он мог смотреть на меня так, будто я - единственный берег в его огне. Мог держать мою руку у своего шрама. Мог говорить, что желал меня. А потом одним движением отодвигать меня за черту: не твоё, не лезь, не заботься, не становись ближе. Мужчины с изъёмами всегда думали, что их боль даёт им право выбирать расстояние за двоих.

- Тогда и моя метка не ваша забота, - сказала я.

Он застыл.

- Это другое.

- Конечно. Когда вам нужно, всё другое.

Кайрон тихо произнёс моё имя, но я уже не остановилась. Слишком много ночи, жара, договоров и чужих решений накопилось под кожей. Слишком долго все вокруг обсуждали мою безопасность, не спрашивая, каково это - проснуться утром с чужой магией в руке и узнать, что ты, возможно, стала частью судьбы человека, который через пять дней должен смотреть на другую женщину как на будущую жену.

- Вы хотите, чтобы я не подходила, но оставалась рядом. Не касалась, но спасала от приступов. Не вмешивалась, но

молчала о том, что может разрушить ваш брак. Не была частью вашей жизни, но жила в вашем доме. Очень удобно, господин Арден. Драконья логика или просто дворянская?

Лаурис застыл, как перед казнью. Кайрон даже не пытался вмешаться. Рейнар смотрел на меня, и золото в его глазах больше не было мягким. Оно поднялось резче, ярче. Но я уже не могла остановиться. Иногда страх становился во мне камнем, а камни плохо горят.

- Осторожнее, - сказал он.

- А то что? Загорюсь? Поздно. Уже.

Он сделал последний шаг. Теперь между нами почти не осталось расстояния. Я почувствовала тепло от его тела, хотя он не касался меня. Метка отозвалась так резко, что пальцы сами сжались в кулак. Рейнар заметил, но не отступил. Его лицо было близко, слишком близко для ссоры и слишком далеко для всего остального.

- Ты думаешь, я хочу этого? - спросил он тихо. - Думаешь, мне доставляет удовольствие держать тебя в доме, где каждый коридор может стать ловушкой? Думаешь, я хочу смотреть, как знак на твоей руке растёт после каждого моего срыва? Думаешь, мне легко знать, что единственная женщина, которая не сгорела от моего прикосновения, появилась за пять дней до брака, который решит судьбу моего рода?

- Не знаю, - так же тихо ответила я. - Вы ведь ничего не говорите, кроме приказов и предупреждений.

- Потому что всё остальное опаснее.

- Для меня?

- Для нас обоих.

Слово «нас» прозвучало почти неслышно. Но оно было. И, кажется, все в комнате его слышали. Даже Лаурис перестал дышать своим учёным возмущением. Я смотрела на Рейнара снизу вверх, потому что он был выше, шире, темнее, и думала, что надо отступить. Хотя бы на шаг. Вернуть себе воздух. Вернуть границу. Но тело не двигалось. Оно стояло в тепле его близости и, как последняя предательница, помнило, что этот человек не обжёг меня. Помнило его выдох. Его руку поверх моей. Его «да» на вопрос, который я не должна была задавать.

Дверь снова открылась без стука. На этот раз вошла Агата, и впервые за всё время я увидела на её лице настоящий страх.

- Господин, - сказала она. - Простите, но гонец не один. С ним прибыл представитель дома Вайр.

Кайрон резко повернулся.

- Уже?

- Да. Он в парадном зале. И он спрашивает, правда ли, что ночью в доме генерала поселили женщину.

Я почти физически почувствовала, как будущая буря вошла в комнату. До этого она была где-то впереди: через пять дней, завтра, после письма, после совета, после решений мужчин с титулами. Теперь она стояла в парадном зале и спрашивала обо мне. Слухи оказались быстрее гонцов, быст-

рее договоров, быстрее осторожности. Дом Вайр уже знал, что у дракона появилась женщина. Не невеста. Не лекарь. Не случайность. Просто женщина - а иногда этого было достаточно, чтобы началась война.

Рейнар медленно отступил от меня. Не потому, что хотел. Потому что снова стал генералом. Его лицо закрылось, плечи расправились, взгляд потемнел. Жар вокруг него ушёл внутрь, под кожу, туда, где шрам Хольма держал свой холодный узел, а огонь бился о запёртую дверь.

- Кайрон, - сказал он. - Проводишь госпожу Вельс в её комнату. Лаурис, записи запечатать. Агата, подготовь мой мундир. Я приму представителя Вайр через десять минут.

- А я? - спросила я.

Он посмотрел на меня. Уже издалека, хотя между нами было всего несколько шагов.

- А ты, Мира, сейчас впервые сделаешь то, о чём я прошу.

- Что именно?

- Не войдёшь не в ту дверь.

Это должно было прозвучать холодно. Наверное, он так и хотел. Но я услышала под холодом другое: просьбу, тревогу, почти мольбу не становиться мишенью раньше времени. И именно поэтому не стала спорить сразу. Только сжала помеченную руку и почувствовала, как золотая нить под кожей пульсирует в такт чужому огню.

- Хорошо, - сказала я. - В эту дверь я не войду.

Рейнар едва заметно выдохнул.

- Но если вы решите отдать меня дому Вайр как неудобный слух, - добавила я, - я войду в парадный зал сама. И тогда уже точно не туда.

На этот раз он посмотрел на меня почти с тем отчаянием, с каким ночью смотрел на собственные цепи. Потом вдруг коротко, мрачно усмехнулся.

- Я начинаю понимать, почему драконья магия выбрала именно тебя.

- Почему?

- У неё такой же отвратительный характер.

Я должна была обидеться. Вместо этого впервые за всё утро почти улыбнулась. Совсем немного, чтобы он не решил, будто победил. Кайрон открыл передо мной дверь, Агата отступила в сторону, Лаурис уже собирал записи дрожащими от возбуждения руками. Я вышла из малой купальни и только в коридоре поняла, что мне всё ещё жарко, хотя Рейнар остался позади.

В конце коридора, за окнами галереи, сад сиял под утренним солнцем так мирно, будто нигде в доме не сидел гонец от будущей невесты, не прятали записи о невозможной метке и не готовили мундир для мужчины, который должен был выйти к чужому роду с лицом героя, пока на моей руке продолжал расти знак его изъяна. Я шла рядом с Кайроном и думала, что дверь, в которую я не должна была входить, уже открылась. Не в купальне. Не ночью. Гораздо раньше, может быть, в тот миг, когда я решила, что бедность - худшее, что

может случиться с женщиной. Оказалось, нет. Бывает ещё дракон, которому нельзя желать. И хуже всего - дракон, который уже желает тебя в ответ.

Глава 4. Договор вместо казни

Кайрон провожал меня обратно молча, и это молчание раздражало сильнее, чем если бы он начал задавать вопросы, успокаивать или вежливо объяснять, что женщина моего положения должна быть благодарна уже за то, что её не выставили за ворота в одной сорочке с золотым пятном на руке. Я успела заметить: управляющий Рейнара Ардена был из тех людей, которые умели делать паузу оружием. Он не давил голосом, не хватал за локоть, не шипел угрозы в ухо, как это делали мелкие дворцовые шавки, которым однажды дали ключ от чужой власти. Он просто шёл рядом, чуть впереди, с прямой спиной и спокойным лицом, позволяя мне самой додумать всё, что должно было меня напугать. А додумывать было что. Представитель дома Вайр прибыл раньше самой невесты. Он уже спрашивал обо мне. Слуги уже успели превратить ночной приступ в историю о женщине, проведённой в хозяйскую купальню. Рейнар уже снова надел на себя невидимый мундир генерала, даже прежде чем Агата принесла настоящий. И где-то внизу, в парадных залах, начиналась игра, правила которой знали все, кроме меня, хотя именно моя рука, как выяснилось, могла стать в ней самой удобной картой.

Мы прошли галерею, где утреннее солнце ложилось на пол длинными золотыми полосами, и я вдруг заметила, как

странно этот свет похож на метку под моим рукавом. Вчера солнечные пятна были бы просто солнечными пятнами. Сегодня всё золото мира казалось мне подозрительным. Оно пряталось в глазах Рейнара, в его метках, в старом огне рода Арденов, в тонкой прожилке на моей коже, в гербе, где дракон держал корону в пасти. Я никогда не любила золото. Для бедных людей золото не было красотой, оно было дверью, которую перед тобой закрывают. Теперь же оно стало ещё и языком, на котором со мной говорила чужая магия. Нечестно, конечно. Мир вообще редко выбирал честные способы напомнить женщине, что её тело может оказаться нужным кому-то раньше, чем она сама поймёт зачем.

- Кто он? - спросила я, когда мы свернули в коридор к малой библиотеке.

Кайрон не сделал вид, что не понял.

- Лорд Эдрик Вайр. Старший кузен леди Селены и доверенное лицо её отца.

- По-вашему это должно мне что-то сказать?

- По-моему, нет. Поэтому я объясню. Лорд Эдрик - человек, который улыбается, когда ему предлагают чай, и тем же выражением лица подписывает приказ об аресте должника. Он не самый опасный из дома Вайр, но один из самых полезных. Его обычно отправляют туда, где нужно не ударить первым, а понять, куда лучше ударить потом.

- Значит, его прислали понять, кто я.

- В том числе.

- А в остальном?

Кайрон чуть замедлил шаг, словно выбирал, сколько правды можно дать мне без вреда для мебели, стен и политического равновесия.

- В остальном дом Вайр хочет убедиться, что господин Арден не сорвёт брачные переговоры. Слухи о ночной женщине в его крыле для них неприятны. Если вы любовница, это оскорбление Селены. Если лекарь, это тревожный знак. Если свидетельница приступа - угроза. Если нечто большее, чем всё перечисленное, то ситуация становится неприлично интересной.

- Мне нравится, что в вашем мире «неприлично интересная» значит примерно «пора готовить яму в саду».

- В нашем мире ямы в саду не готовят без необходимости.

- Утешительно.

- Но сады у нас глубокие.

Я остановилась. Он тоже, с той же вежливой точностью, будто мы репетировали эту остановку заранее. Я посмотрела на его спокойное лицо и впервые почувствовала не просто раздражение, а настоящую злость. Не на Кайрона даже, хотя он делал всё возможное, чтобы заслужить её. На весь этот дом, где смерть умели произносить намёками, где слово «защита» пахло замком, где мужчину, которому было больно, приковывали к стене, а женщину, которая помогла ему, тут же начинали оценивать как политический риск.

- Это угроза? - спросила я.

- Нет, госпожа Вельс. Это попытка сделать вас внимательнее.

- Знаете, в Нижних кварталах, когда мужчина говорит женщине о глубоких садах после ночи в хозяйской купальне, она обычно кричит.

- В Нижних кварталах, возможно, разумнее, чем при дворе.

Он сказал это без насмешки. И именно поэтому я не нашла сразу, что ответить. Кайрон открыл передо мной дверь комнаты у библиотеки, но сам не вошёл. На столе уже лежала бумага, чернила и три чистых конверта. Рядом стояла новая чашка горячего настоя. Всё было устроено так быстро и аккуратно, что я снова почувствовала себя не гостьей, а предметом, для которого подобрали полку, ткань и условия хранения.

- Напишите письма, - сказал он. - Наставнику, хозяйке комнаты, матери. Я проверю только наличие опасных сведений, но содержание личных слов. После этого их отправят.

- А если я напишу, что меня держат в доме дракона и, возможно, собираются закопать в глубоком саду?

- Тогда письмо не уйдёт, а я сделаю вывод, что вы не цените предупреждения.

- Я ценю честность.

- Тогда честно: сейчас вы живы не потому, что ситуация безопасна, а потому, что господин Арден не позволяет никому принять более простое решение.

Я замолчала. Вот эта фраза ударила точнее любой угрозы. Более простое решение. Я даже не сразу поняла, что он действительно сказал это вслух. Не убить. Не убрать. Не избавиться. Более простое решение. Как будто речь шла о том, где поставить вазу, чтобы она не мешала проходу. Но именно так, наверное, и говорили люди, которые всю жизнь занимались чужими судьбами: чем мягче слово, тем легче рука.

- Вы говорите о моей смерти так, будто обсуждаете лишний стул в трапезной, - сказала я.

- Потому что если говорить о смерти каждый раз с надлежащим чувством, к тридцати годам язык перестанет слушаться. Я не желаю вам зла, госпожа Вельс. Но я служу дому Арденов. Если между вами и домом возникнет выбор, я выберу дом.

- А Рейнар?

Он впервые чуть заметно напрягся. Не от имени. От того, что я произнесла его без титула, без «господин», без защиты приличий. Так, будто имела право. Я сама это слышала и едва не поморщилась. Прав у меня не было никаких, кроме договорных, временных и очень шатких. Но после ночи в купальне язык почему-то отказывался называть его только генералом.

- Господин Арден, - поправил Кайрон, - выбирает иначе, когда считает, что долг требует от него невозможного.

- То есть он может выбрать меня?

- Он уже выбрал не убивать вас.

- Как щедро с его стороны.

- В нашем положении - да.

Кайрон поклонился и оставил меня одну. Дверь закрылась тихо. Без щелчка замка. Я всё равно подошла и проверила. Открывается. Коридор пуст. У лестницы стража, но не у двери. Рейнар держал слово. Или пока держал. Я вернулась к столу, села, взяла перо и долго смотрела на бумагу, не зная, как написать матери, что я задержусь в богатом доме по лекарскому делу, не упомянув ни драконью кровь, ни брачный заговор, ни то, что за одну ночь моя жизнь стала похожа на дурную сказку, где героиня слишком рано заглянула чудовищу под кожу и теперь не могла решить, бежать ей или принести ещё повязок.

Первое письмо наставнику получилось коротким и злым: «Господин Лаур, если вы ещё живы после вчерашнего вина, знайте, что ваш отказ идти на вызов едва не убил меня, зато принёс работу на несколько дней. Я в доме Арденов, официально как помощница при лекарском наблюдении. Не приходите сюда без приглашения, не болтайте в лавке, не продавайте сведения о моём отсутствии и не трогайте мои сушёные травы. Если спросит мать, скажите, что я при богатом пациенте и вернусь с деньгами». Второе, хозяйке комнаты, было ещё короче: «Я не сбежала. Оплату за неделю передадут. Не отдавайте мою постель новой девке, у которой клопы». Третье, матери, я писала дольше. Слишком долго. Каждое слово казалось либо ложью, либо дверью к правде,

которую нельзя открывать. В итоге вышло почти спокойно: «Мама, я на несколько дней осталась при пациенте в хорошем доме. Не беспокойся, кормят прилично, платят больше обычного. Если господин Лаур придёт к тебе с видом святого мученика, не верь, он просто боится, что я потребую с него долю. Руку не простужай, мазь используй утром и вечером. Я вернусь, как только смогу». Я перечитала и почувствовала такую внезапную тоску по нашему тесному, скрипучему, вечно пахнущему травами и старым бельём миру, что даже роскошная комната вокруг стала похожа на клетку. В Нижних кварталах было грязно, шумно, бедно, там мужчины могли быть мерзавцами без титулов, а женщины старели раньше срока, но там я знала, где стоит моя лавка, кому можно плюнуть в суп, у кого занять медяк и в какой подворотне лучше не ходить после заката. Здесь всё было чистое, тёплое, дорогое - и каждое полированное дерево могло скрывать нож.

Я успела запечатать письма, когда за стеной послышались голоса. Сначала далёкие, потом ближе. Не из коридора, а будто из соседней библиотеки или внутреннего прохода. Я не собиралась подслушивать. В самом деле, не собиралась. Просто встала, чтобы поставить чашку на столик у стены, и услышала своё имя. Это всегда меняет нравственные принципы быстрее любого философского трактата. Я замерла. Голоса были приглушены, но отдельные слова проходили через старую деревянную панель достаточно ясно.

- ...женщина должна исчезнуть из дома до прибытия леди Селены, - говорил незнакомый мужчина. Голос гладкий, приятный, с лёгкой ленцой, как у человека, который привык не повышать тон, потому что за него кричат другие. - Я понимаю, Арден дорожит своими странностями, но в этот раз речь не о его привычках. Дом Вайр не потерпит публичного оскорбления.

- Господин Арден не обязан отчитываться перед домом Вайр о своих лекарских назначениях, - ответил Кайрон.

- Лекарских? Какая прелесть. Значит, теперь это называется так. Девушка из Нижних кварталов, проведённая ночью в закрытое крыло, оставленная в доме и уже обсуждаемая слугами, - лекарское назначение. Должен признать, Кайрон, у Арденов всегда был талант к суровой поэзии.

- Госпожа Вельс действительно помощница лекаря.

- Тем хуже. Любовницу можно купить, припугнуть или выдать замуж за молчаливого конюха. Лекарская помощница умеет смотреть, запоминать и делать выводы. А бедная лекарская помощница ещё и знает цену словам.

Я медленно поставила чашку на стол, не издав ни звука. В животе неприятно сжалось. Говорил, должно быть, тот самый Эдрик Вайр. Я не видела его лица, но уже ненавидела его голос: слишком мягкий, слишком чистый, слишком уверенный в том, что люди ниже его положения существуют не до конца.

- У вас нет оснований вмешиваться, - сказал Кайрон.

- Основания придут завтра вместе с моей кухней. Или вы предпочитаете, чтобы Селена вошла в дом, где свежая девица с улицы уже успела стать ночной тайной жениха? Не заставляйте нас действовать грубее, чем требует ситуация.

- Это угроза?

- Нет. Попытка сделать вас внимательнее.

Я почти усмехнулась. Похоже, вежливые мужчины учили друг друга одним и тем же фразам, только менялись местами у края ямы.

- Передайте генералу, - продолжил Эдрик, - что дом Вайр готов проявить деликатность. Девушку можно отправить в закрытую лечебницу при коллегии, в дальнее имение, к родственникам под надзором. Мы даже готовы оплатить её молчание, если она уже видела что-то лишнее. Но если Арден решит упрямиться, его маленькое ночное происшествие станет предметом разговора в совете. Тогда все вспомнят Хольм, приступы, сорванные переговоры и старые вопросы о том, насколько безопасно держать дракона у самого трона.

- Вы говорите о герое Империи.

- Я говорю о мужчине, который через пять дней должен доказать, что способен быть мужем.

Эта фраза была сказана мягче остальных. Почти лениво. Но в ней был яд. Даже сквозь стену я почувствовала, как изменилась тишина. Если Кайрон ответил, я не услышала. Потом другой голос, низкий и холодный, разрезал комнату по ту сторону панели.

- Я способен быть тем, кем сочту нужным, лорд Вайр.
Рейнар.

У меня дыхание сбилось раньше, чем разум успел приказывать себе не реагировать. Его голос действовал на мою метку так же, как близость его тела: золотая нить под манжетом стала теплее. Я прижала руку к груди и выругалась шёпотом. Прекрасно. Теперь я откликалась даже на стену между нами. Если так пойдёт дальше, меня можно будет использовать как драконий колокольчик: где Рейнар, там и жар.

- Генерал, - произнёс Эдрик с безупречной вежливостью.

- Рад видеть вас в добром здравии.

- Сомневаюсь.

- Увы, вы правы. Моя радость была бы полнее, если бы я не прибыл в дом, где имя моей кузины уже склоняют рядом с именем неизвестной женщины.

- Имя вашей кузины склоняете вы. Мои слуги умнее.

- Ваши слуги, генерал, за час рассказали половине моего сопровождения достаточно, чтобы я мог составить три версии ночных событий. В первой вы тайно привезли любовницу. Во второй - ведьму. В третьей - лекарку, которая увидела вас в состоянии, непригодном для брака. Какая из них ближе к правде?

- Та, которую вы не произнесли.

- Загадочно. Но загадки редко укрепляют брачные договоры.

- Брачный договор ещё не подписан.

- Именно поэтому я здесь.

Я отошла от стены, потому что стоять дальше было невозможно. Не от совести. Совесть моя уже сидела рядом на стуле и тоже слушала. Просто каждое слово по ту сторону превращало меня в предмет обсуждения, а от предметного положения у меня всегда чесался язык. Любовница. Ведьма. Лекарка. Свидетельница. Девица. Молчание. Закрытая лечебница. Дальнее имение. Оплатить. Убрать. Исчезнуть. Всё это говорилось обо мне так, будто я была пятном на парадной скатерти, которое нужно вывести до прихода гостей. Наверное, разумнее было бы сидеть тихо. Рейнар сам разбирался с Вайром. Кайрон, при всей кошачьей жестокости, был на моей стороне хотя бы потому, что так решил хозяин. Я могла не вмешиваться. Правда, могла.

Я подошла к двери, открыла её и вышла в коридор.

Стражник у лестницы дёрнулся так, будто увидел призрак. Я улыбнулась ему так мило, как умела, то есть, наверное, довольно страшно.

- Малая библиотека где?

- Госпожа Вельс, вам велено...

- Мне много чего велено, но всё сразу не помещается в голове. Библиотека?

Он колебался ровно столько, сколько потребовалось, чтобы я сама заметила полузакрытую дверь дальше по коридору. Из-за неё и шли голоса. Стражник сделал шаг, но я уже была у двери. Постучать? Войти без стука? В прошлый раз

дверь без стука привела меня к прикованному дракону и золотой метке, так что, вероятно, хорошая женщина на моём месте сделала бы выводы. Но хороших женщин в моей жизни обычно либо выдавали замуж за скучных мужчин, либо хоронили с приличной репутацией. Я же толкнула дверь.

Малая библиотека была тёмной, узкой и высокой. Стены до самого потолка занимали полки с книгами, пахло кожей переплётков, пылью, воском и свежим холодом из приоткрытого окна. У камина стояли трое. Кайрон - слева, почти сливающийся с тенью стеллажа. Рейнар - у стола, уже в мундире: чёрном, строгом, с тёмно-золотым шитьём у воротника и знаком дракона на груди. Мундир делал его не красивее, а дальше. Сразу становилось ясно, что человек перед тобой принадлежит не комнате, не телу, не разговору, а войне и роду, которые стояли за его спиной. Напротив него находился лорд Эдрик Вайр. Светловолосый, тонкий, элегантный до оскорбления, с лицом почти приятным, если не считать глаз. Глаза у него были светло-серые и пустые, как зимнее небо над виселицей. Он первым повернулся ко мне и улыбнулся так, будто ждал именно этого.

- А вот, должно быть, и загадка, - сказал он.

Рейнар не улыбался. Лицо его стало неподвижным, но я увидела, как пальцы правой руки чуть сжались на краю стола. Не от ярости даже. От попытки не показать её.

- Выйди, Мира.

- Нет.

Кайрон тихо закрыл глаза. Бедный мужчина. Второй день в моей компании явно разрушал его представления о допустимой частоте этого слова.

- Господин Арден, - сказала я, глядя не на него, а на Эдрика. - Раз уж меня обсуждают как лекарское назначение, ведьму, любовницу и, кажется, будущий труп, будет вежливо позволить мне присутствовать. Я люблю знать, в какой именно роли мне предлагают исчезнуть.

Эдрик рассмеялся. Легко, красиво. Как человек, которому принесли редкую игрушку.

- Она говорит. Как неожиданно.

- Почти все бедные говорят, милорд, - ответила я. - Просто богатые редко слушают, пока мы не начинаем кричать.

- И вы намерены кричать?

- Пока нет. Комната маленькая, а у меня был тяжёлый день.

Рейнар медленно обошёл стол. Я почувствовала его приближение раньше, чем он оказался рядом. Метка под рукавом отозвалась жаром, и мне пришлось сжать пальцы, чтобы не выдать себя. Он остановился не рядом со мной, а чуть впереди. Между мной и Эдриком. Жест вышел настолько естественным, что я на миг забыла злиться. Потом вспомнила: мужчины часто становились перед женщинами не только чтобы защитить, но и чтобы загородить им мир.

- Госпожа Вельс не имеет отношения к брачным переговорам, - сказал Рейнар.

- Тогда зачем она здесь? - спросил Эдрик.

- Потому что вы говорили обо мне, - ответила я раньше Рейнара. - А я суеверна. Когда знатные люди обсуждают, куда тебя деть, лучше входить до того, как они выберут место.

- Нижние кварталы дают занятное воспитание.

- Да. Мы там быстро учимся отличать вежливость от ножа.

Эдрик перевёл взгляд на мой рукав. Я не знала, что именно он успел услышать, но он искал не лицо. Он искал след. Возможно, слуги ничего не знали о метке. Возможно, Вайры просто были достаточно умны, чтобы понимать: если простая помощница стала важной за одну ночь, дело не только в слухах о постели. Я спрятала руку в складках платья. Поздно. Его улыбка стала тоньше.

- Вы больны, госпожа Вельс? - спросил он.

- От разговоров - немного.

- Я имею в виду, господин Арден оставил вас здесь для лечения? Или вы лечите его?

- Смотря кто платит.

- Вам заплатили?

- Недостаточно, чтобы отвечать на ваши вопросы.

Эдрик снова тихо рассмеялся, но в глазах веселья не прибавилось.

- Генерал, ваша новая знакомая прелестна. Вульгарна, конечно, но в этом есть свежесть. Селена будет в восторге, если вы представите её как часть домашней прислуги.

- Госпожа Вельс не будет представлена Селене, - сказал

Рейнар.

- Разве? Но Селена прибывает завтра. Девушка, очевидно, остаётся. Или вы намерены спрятать её под кроватью, пока моя кузина будет осматривать дом будущего мужа?

При слове «кровать» у меня вспыхнули уши. Не от стыда даже, а от злости, потому что Эдрик намеренно сделал слово грязным, бросил его в комнату и теперь смотрел, кто первым нагнётся поднять. Рейнар не двинулся, но воздух вокруг него стал теплее. Совсем немного. Кайрон сразу заметил. Я тоже. Эдрик - нет. Или сделал вид, что нет.

- Вы перешли границу, - сказал Рейнар.

- Напротив, я пытаюсь её обозначить. Дом Вайр готов закрыть глаза на маленькое ночное происшествие, если оно закончится сегодня. Девушку следует отправить туда, где она не сможет вредить переговорам. Мы готовы содействовать. В городе есть лечебницы, монастырские дома, закрытые пансионы для женщин с... трудными обстоятельствами.

- Я не вещь, которую нужно убрать со стола, - сказала я.

- Конечно нет. Вещи обычно молчат.

Вот это было почти честно. Рейнар сделал шаг, и на этот раз жар стал явным. По каминной решётке пробежала рыжая искра, хотя огонь там почти погас. Кайрон резко выпрямился.

- Господин, - тихо сказал он.

Рейнар остановился. Не из-за Кайрона. Из-за меня. Я не знаю, почему поняла это, но поняла: в ту секунду он не хо-

тел, чтобы Эдрик увидел приступ. Не хотел, чтобы я увидела, как слова другого мужчины могут поджечь его кровь. И, может быть, ещё не хотел, чтобы я испугалась того, насколько быстро его желание защитить превращается в угрозу всем вокруг.

- Лорд Вайр, - произнёс он уже ледяным голосом, - если вы ещё раз заговорите с госпожой Вельс так, будто она не человек, я забуду, что вы родственник моей будущей невесты.

- Будущей? - мягко переспросил Эдрик. - Как приятно слышать это слово. Значит, переговоры всё ещё в силе?

Рейнар молчал. Слишком долго. Эдрик это заметил, и улыбка его стала почти нежной.

- Вот оно что, - сказал он. - Значит, слухи о вашем... изъятие всё-таки имеют под собой почву.

Кайрон резко шагнул вперёд.

- Милорд, осторожнее.

- Я предельно осторожен. Дом Вайр отдаёт вам не служанку, генерал. Не бедную помощницу, которой можно заплатить за молчание втрое больше обычного. Мы отдаём вам Селену. Женщину древнего рода, будущую мать наследника, политический мост между восточными провинциями и Арденами. Мы имеем право знать, способен ли жених исполнить брачный договор не только подписью.

Слова были сказаны прилично. Почти юридически. Но смысл вошёл в комнату голым. Я впервые увидела, как Рейнар по-настоящему побледнел. Не от страха. От такой яро-

сти, которую приходилось удерживать не в лице, а в костях. Золото поднялось в его глазах, и на миг мне показалось, что за его спиной, среди книжных полок, шевельнулась тень драконьего крыла. Камин вспыхнул сам, рыжий язык огня лизнул поленья, и Эдрик наконец перестал улыбаться.

Я не думала. Просто сделала шаг и положила ладонь Рейнару на рукав.

Не на кожу. Через ткань мундира, чуть выше запястья. Никакого лекарского смысла в этом не было. Я не успела ни спросить, ни решить, ни вспомнить договор. Я просто почувствовала, что ещё миг - и комната станет костром, а Эдрик Вайр получит именно то доказательство, за которым пришёл. Под моей ладонью мышцы руки Рейнара напряглись так, будто я коснулась не человека, а натянутого лука. Жар ударил сквозь ткань, метка вспыхнула, но уже привычно - страшно, горячо, однако без боли. Рейнар не повернул головы. Только посмотрел вниз, на мою руку у себя на рукаве. И огонь в камине отступил.

Эдрик смотрел на нас.

Вот теперь он увидел слишком много.

Я убрала руку медленно, хотя внутри всё похолодело. В комнате было тихо. Кайрон стоял неподвижно. Рейнар всё ещё не смотрел на меня, но я знала: он понял то же самое. Мы только что, своими руками, показали Вайру больше, чем любая сплетня могла рассказать. Не метку, нет. Но реакцию. Моё прикосновение остановило его. Пусть через ткань, пусть

на миг, пусть в самой простой форме. Эдрик был достаточно умён, чтобы не понять всего, но достаточно опасен, чтобы понять главное: женщина из Нижних кварталов действительно имела значение.

- Любопытно, - сказал он наконец.

- Вон, - произнёс Рейнар.

- Генерал...

- Вон из моего дома, лорд Вайр. Передайте Селене, что я приму её завтра в полдень в присутствии Кайрона, Агаты, лекаря и кого угодно из ваших приличных свидетелей. Передайте её отцу, что брачные переговоры продолжаются до тех пор, пока дом Вайр помнит о границах. И передайте себе: если ещё раз явитесь ко мне с угрозами, я приму вас не как родственника невесты, а как врага у своих ворот.

Эдрик поклонился. И в этом поклоне не было поражения. Только обещание продолжить позже, аккуратнее.

- Как скажете, генерал. Госпожа Вельс, - он повернулся ко мне, - надеюсь, мы ещё поговорим в более спокойной обстановке.

- А я надеюсь, что нет. Видите, у каждого свои мечты.

Он улыбнулся, вышел, и только когда дверь закрылась, я поняла, что всё это время почти не дышала. Кайрон подошёл к окну, убедился, что во дворе сопровождающие Вайра уходят к парадной лестнице, и резко задёрнул штору. Рейнар остался стоять посреди библиотеки. Мундир сидел на нём безупречно, но сейчас я видела не золото шитья и не знак

рода, а то место на рукаве, которого только что коснулась. Ткань там казалась темнее, будто впитала часть жара.

- Ты должна была оставаться в комнате, - сказал он.

- А вы должны были не загораться при гостях.

Он медленно повернулся ко мне. В его взгляде было столько всего, что я не сразу поняла, что сильнее: злость, страх или благодарность, которую он не хотел показывать.

- Ты понимаешь, что сделала?

- Остановила вас?

- Показала ему, что можешь меня останавливать.

- Хотите, в следующий раз я дам вам сжечь родственника невесты?

- Следующего раза быть не должно.

Кайрон тихо рассмеялся. Смех получился короткий и совсем не весёлый.

- Следующий раз уже есть, господин. Он просто назначен на завтра в полдень.

Рейнар посмотрел на него.

- Говори.

Кайрон прошёлся по комнате, сцепив руки за спиной. Теперь с него слетела вся прежняя гладкость. Не полностью, но достаточно, чтобы я увидела под вежливым управляющим усталого стратега, которому только что испортили все красивые варианты и оставили несколько уродливых.

- Вайр увидел реакцию. Не метку, но стабилизацию. Он не знает, что именно произошло, но догадается, что госпо-

жа Вельс не случайная лекарская помощница. К вечеру он отправит письмо. Завтра Селена прибудет уже подготовленной. Если мы спрячем госпожу Вельс, это подтвердит подозрения. Если выставим, она станет мишенью. Если отправим из дома, её перехватят до того, как она дойдёт до второго моста. Если заявим, что она любовница, мы оскорбим Селену и дадим Вайрам повод разорвать переговоры с выгодой для себя. Если заявим, что она лекарь, они потребуют освидетельствования состояния господина Ардена. Если заявим правду, совет съест нас всех.

- Прекрасно, - сказала я. - Список вариантов бодрит.

Кайрон посмотрел на меня почти без выражения.

- Есть ещё один.

- Закопать меня в глубоком саду?

- Я бы не стал предлагать это вслух при господине Ардене.

Рейнар шагнул к нему так резко, что воздух вздрогнул.

- Даже мысленно не предлагай.

- Господин, - спокойно сказал Кайрон, - моя работа состоит в том, чтобы видеть все возможные решения, включая те, которые вы мне запретите. Я не враг госпожи Вельс. Но пока у неё нет статуса, она опасна для себя и для вас. Её нужно поместить в такую роль, которую Вайры не смогут оспорить без скандала, но которая объяснит её присутствие рядом с вами.

- Она уже лекарская помощница, - сказал Рейнар.

- Недостаточно. Помощниц меняют, увольняют, покупа-

ют, обвиняют. Нужен личный контракт под печатью рода. Не на семь дней. На срок свадебных переговоров и стабилизации приступов. С правом находиться в восточном крыле, присутствовать при осмотрах, сопровождать вас на встречах, если лекарское состояние требует. Тогда она не любовница и не спрятанная женщина. Она официально привязана к вашему здоровью.

- Привязана, - повторила я. - Какое милое слово.

Кайрон не отвёл взгляда.

- Предпочтёте «приговорена»?

- Предпочту «нанята». И то временно.

- Тогда временно нанята. На сорок дней.

- Сорок? - я почти рассмеялась. - У вас числа берутся из шляпы или из древних драконьих сказок?

- Из календаря. Пять дней до смотра, десять дней предварительных переговоров, две недели на брачный договор и запас до первого заседания совета. Сорок дней дадут нам возможность пережить ближайшую бурю, понять природу метки и решить, можно ли отпустить вас безопасно.

- А если за сорок дней выяснится, что нельзя?

Кайрон промолчал.

Рейнар ответил за него:

- Тогда я всё равно найду способ.

- Способ что? Отпустить? Оставить? Спрятать? Вы, господин Арден, очень любите говорить так, будто будущее будет делать то, что вы ему прикажете.

- Обычно оно хотя бы пытается.

- А я нет.

- Это я уже заметил.

Мы стояли друг напротив друга в библиотеке, где ещё пахло чужой угрозой и вспыхнувшим камином. Эдрик ушёл, но оставил после себя ощущение грязных перчаток на чистом столе. Кайрон был прав: без статуса я становилась мишенью. Рейнар был прав: рядом с ним я уже была в опасности. Я была права тоже, но от этого легче не становилось. Вся моя прежняя жизнь учила меня простому правилу: если богатый дом предлагает бедной женщине договор, нужно искать, где спрятана цепь. Здесь цепь лежала на виду. Её называли защитой, лекарским наблюдением, сроком в сорок дней и моей загадочной способностью гасить драконий огонь. Но в отличие от ночной купальни, эти цепи должны были надеть не на Рейнара. На меня.

- Нет, - сказала я.

Кайрон выглядел так, будто заранее ожидал этого слова, но всё равно устал.

- Госпожа Вельс...

- Нет, пока я не услышу условия от него.

Рейнар нахмурился.

- От меня?

- Вы же хозяин дома. Дракон. Генерал. Мужчина, которому все здесь служат, боятся или пытаются выдать за него Селену Вайр. Вот и говорите. Не ваш управляющий. Вы. Что

именно вы хотите от меня на сорок дней?

Вопрос получился грубее, чем я планировала. Слишком много в нём было не только договора, но и того другого, о чём мы оба упорно старались не думать после признания в малой купальне. «Что вы хотите от меня?» В такой комнате, после такого утра, рядом с мужчиной, который уже сказал «да» на невозможный вопрос, фраза звенела двойным дном. Рейнар услышал. Конечно, услышал. Его взгляд стал темнее, и я впервые заметила, как сильно усталость подтачивает его холод. Он мог держать спину прямо, голос ровно, лицо неподвижно, но где-то под всем этим ночь ещё продолжалась.

- Я хочу, чтобы ты осталась жива, - сказал он.

- Это не работа.

- Для меня - уже да.

Кайрон отвёл взгляд к окну, будто внезапно заинтересовался шторами. Я не отвела.

- Ещё.

- Я хочу понять, почему ты можешь касаться меня и не гореть. Хочу выяснить, можно ли снять то, что осталось во мне после Хольма. Хочу пройти завтрашнюю встречу с Селеной так, чтобы никто не понял, насколько близко я стою к срыву. Хочу, чтобы дом Вайр не получил тебя в руки. Хочу, чтобы совет не узнал о метке. Хочу, чтобы ты не входила в комнаты, где тебя обсуждают люди, способные сделать тебе хуже, чем ты представляешь.

- Последнее не обещаю.

- Я знаю.

- А как же ваш брак?

Он молчал. Молчание было ответом и отказом одновременно.

- Вы хотите, чтобы я помогла вам стать безопасным мужем для другой женщины? - спросила я.

Кайрон чуть заметно поморщился, как от неудачного удара в фехтовании. Рейнар же стоял неподвижно. Только в глазах снова поднялось золото, но не резкое, как при ярости, а глухое, тяжёлое.

- Я хочу, чтобы ни одна женщина не умерла от моей крови, - сказал он. - Ни ты. Ни Селена. Ни кто-либо ещё.

Хороший ответ. Благородный. Ненавистно хороший. От него нельзя было отмахнуться язвительной фразой, потому что в нём не было желания использовать меня ради чужой постели. По крайней мере, не только. Он действительно боялся убить. И именно это делало ситуацию хуже. С мерзавцем легче торговаться. Его можно поймать на жадности, похоти, лжи. С мужчиной, который ставит между собой и женщиной стену из заботы, приходится ломать не подлость, а страх. А страх иногда крепче стали.

- Тогда мои условия, - сказала я.

Кайрон сразу подошёл к столу и достал бумагу, словно ждал этого всю жизнь.

- Я слушаю.

- Не вы. Он.

Рейнар чуть наклонил голову.

- Говори.

- Первое. Я остаюсь на сорок дней только как нанятая помощница при лекарском наблюдении. Не воспитанница, не пленница, не фаворитка, не тайная женщина в восточном крыле. Второе. У меня есть своя комната с ключом у меня, а не у вашей охраны. Третье. Я могу писать письма матери и наставнику, после проверки на тайны, но без правки личного текста. Четвёртое. Я получаю оплату вперёд за десять дней и отдельную сумму на случай, если после вашей политики мне придётся менять жильё, имя или лицо. Пятое. Никто не имеет права проводить надо мной опыты, звать коллегия, магов, жрецов, драконьих бабок, имперских учёных и прочих любителей смотреть на бедных женщин как на свежесловленную жабу. Шестое. Любой контакт с вами - только с моего согласия, каждый раз отдельно. Не потому, что вчера я согласилась. Не потому, что метка теплеет. Не потому, что вы горите, а я стою рядом. Каждый раз.

Кайрон писал быстро. Рейнар слушал, не перебивая. Только на последнем пункте его лицо стало жёстче, будто каждое слово не просто ложилось в договор, а вырезалось где-то под его рёбрами.

- Седьмое, - продолжила я, чувствуя, как голос становится суше. - Никакой близости за пределами лечения. Никаких поцелуев, объятий, прикосновений, которые не нужны для стабилизации приступа или осмотра. Никаких ночных визи-

тов без моей просьбы. Никаких «драконья магия выбрала, значит, женщина должна». Если я останусь, то не потому, что ваше тело может меня терпеть.

Кайрон перестал писать. В комнате стало слишком тихо. Рейнар смотрел на меня с выражением, в котором я не могла разобраться. Задела ли я его? Оскорбила? Облегчила ему задачу? Или просто произнесла вслух то, что он сам пытался запереть так же крепко, как свой огонь?

- Запиши, - сказал он Кайрону.

Перо снова закрипело.

- И восьмое, - добавила я. - Если я решу уйти после сорока дней, вы отпускаете меня. Без людей за спиной, без слежки, без «ради твоей безопасности я приказал закрыть ворота». Поможете исчезнуть, если потребуется, но не будете решать за меня.

- Согласен, - сказал Рейнар.

Так быстро, что я на миг растерялась.

- Вы даже не спорите?

- Нет.

- Почему?

- Потому что если начну спорить, ты решишь, что я уже ищу щель в договоре.

- А вы ищете?

- Нет.

- Почему я должна верить?

Он подошёл к столу, взял со стоящего рядом подноса ма-

ленький нож для писем и положил его передо мной рукоятью к моей руке. Я смотрела на нож, потом на него, ничего не понимая.

- Потому что если я нарушу эти условия, - сказал он, - ударишь меня. Лучше в левое плечо. Там меньше шансов, что рука дрогнет и я сожгу занавески.

Кайрон закрыл лицо ладонью. Я не выдержала и рассмеялась. Нервно, коротко, но по-настоящему. Смех вышел из меня так неожиданно, что я даже испугалась. После всего утра, после Вайра, после разговоров о казни, после изъяна, брака, метки и опасности этот нелепый нож на столе вдруг сделал Рейнара почти живым. Не генералом, не драконом, не политической угрозой, а мужчиной, который не умел просить доверия и потому положил на стол оружие против самого себя.

- Вы понимаете, что я могу и без нарушения условий ударить? - спросила я.

- Подозревал.

- И не обязательно в плечо.

- Тогда Кайрону придётся переписывать договор о наследовании раньше срока.

- Господин, - сухо сказал Кайрон, не поднимая лица, - прошу не помогать госпоже Вельс придумывать способы уничтожения рода Арденов. У нас достаточно внешних врагов.

Я всё ещё улыбалась, когда наши глаза с Рейнаром встретились. И улыбка сразу стала опасной. Не потому, что он сде-

лал что-то. Просто в этой короткой трещине между страхом и смехом вдруг проступило то, что весь договор пытался запереть. Он смотрел на меня не как на помощницу, не как на метку, не как на случайное спасение. Как на женщину, которая стояла перед ним, смеялась в его библиотеке, спорила с его управляющим, врывалась к его врагам и требовала отдельного пункта о том, что её нельзя целовать. И в его взгляде было такое молчаливое «пока нельзя», что у меня пересохло во рту.

- Запишите точнее, - сказала я, не глядя на Кайрона. - Любая близость возможна только по моему прямому желанию, выраженному вслух, и не может быть следствием приступа, угрозы, долга или магического воздействия.

- Разумно, - сказал Кайрон.

- Очень, - сказал Рейнар.

Что-то в его голосе заставило меня снова посмотреть на него. Он уже не улыбался. Но теперь опасность стала другой: не вспышка огня, не приступ, не политическая буря. Медленная, тёмная, почти спокойная уверенность мужчины, который услышал запрет и принял его не как отказ, а как границу, у которой придётся стоять долго. Я почувствовала это всей кожей. И возненавидела свою метку за то, как она потеплела.

- И не надо так смотреть, - сказала я.

- Как?

- Будто вы уже ждёте, когда я сама попрошу нарушить этот

пункт.

Кайрон перестал дышать. Рейнар смотрел на меня несколько мгновений, потом произнёс очень тихо:

- Ты сама попросишь нарушить этот пункт, Мира.

Я должна была возмутиться. Должна была назвать его самоуверенным чудовищем, дворянским мерзавцем, драконом с непомерным самомнением и ещё десятью словами, которые прекрасно знала с рынка. Но он не сказал это похабно. Не сказал как мужчина, уверенный, что любая женщина рано или поздно сдастся. В его голосе было не торжество, а почти горькое знание того жара, который уже возник между нами и который оба мы теперь старательно вписывали в запретительные строки. Он не обещал взять. Он говорил, что я могу захотеть отдать. И хуже всего - какая-то совсем безумная часть меня, спрятанная глубже разума, не возмутилась, а прислушалась.

- А если попрошу, - сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, - вы всё равно спросите дважды.

Он не отвёл глаз.

- Трижды.

Кайрон с таким выражением обмакнул перо в чернильницу, будто служил не управляющим, а последним хранителем приличий в падающей Империи.

- Я внесу формулировку без этой живописной части, - сказал он. - В целях юридической ясности.

- Внесите, - сказала я. - И добавьте ещё: если господин Ар-

ден будет использовать угрозу своей смерти, приступа или политического краха, чтобы вынудить меня к контакту, договор прекращается.

- Я не стану, - сказал Рейнар.
- Тогда пункт вам не повредит.
- Запиши, - сказал он Кайрону.

Договор писали почти час. Кайрон работал быстро, но я заставляла перечитывать каждую страницу, каждую фразу, каждый изящный оборот, за которым могла прятаться ловушка. В документе меня называли «госпожа Мира Вельс, временно нанятая помощница лекарского наблюдения при особом состоянии крови главы дома Арденов». «Особое состояние крови» звучало так вежливо, будто речь шла не о мужчине, который ночью сидел на цепях, чтобы не спалить собственный дом. Я не спорила. Чем скучнее выглядела правда на бумаге, тем меньше ею хотелось размахивать при дворе. В договор внесли оплату, срок, право на отказ от процедур, запрет на принуждение, запрет на передачу меня третьим лицам, право на письма, право на собственную комнату, право на сопровождение при выходе за пределы дома и обязательство Арденов защищать меня от внешних претензий, возникших в связи с моей службой. Последнее мне особенно понравилось: «внешние претензии» включали дом Вайр, имперский совет, коллегию и всех прочих, кто мог решить, что бедная женщина с золотой меткой - хороший повод для чужого расследования.

Когда всё было готово, Кайрон положил передо мной перо. Я прочитала договор ещё раз. Рейнар стоял у камина, повернувшись вполоборота, и смотрел не на меня, а на огонь. Тот горел теперь спокойно, почти лениво. Странно было думать, что обычный камин умеет вести себя лучше, чем кровь одного из самых могущественных людей Империи.

- Сорок дней, - сказала я.

- Сорок дней, - подтвердил Кайрон.

- И после этого я могу уйти.

- Да.

- Даже если метка не исчезнет?

Кайрон посмотрел на Рейнара. Рейнар ответил сам:

- Да.

- Даже если вы всё ещё будете гореть?

Он медленно повернулся ко мне.

- Да.

- Даже если я сама не захочу?

Вопрос вырвался прежде, чем я поняла, что сказала. Он повис в комнате, как сброшенное платье, которое уже поздно поднимать с достоинством. Кайрон сделал вид, что изучает песочницу для чернил. Рейнар же смотрел прямо на меня, и в глазах его снова вспыхнуло золото - не ярко, не приступом, а тонкой линией по краю зрачка.

- Тогда, - сказал он, - договор станет самой меньшей из наших проблем.

Я подписала первой. Почерк вышел тверже, чем я ожида-

ла. «Мира Вельс». Простое имя на дорогой бумаге. Я никогда раньше не подписывала ничего, кроме расписок за травы и долговых записок, где каждое слово пахло медяками. Теперь моё имя лежало рядом с печатью рода Арденов, и от этого было чувство, будто я поставила ногу на мост, который уже начал гореть за моей спиной.

Рейнар подошёл к столу. Кайрон подвинул ему перо. Мы оказались рядом ближе, чем требовалось, и метка снова откликнулась. Я старалась смотреть на бумагу. Не на его руку. Не на длинные пальцы, берущие перо. Не на тёмный манжет мундира. Не на то место, где ткань ещё помнила моё прикосновение. Он подписал коротко, резко: «Рейнар Арден». Потом снял с пальца тяжёлый перстень с гербом, нагрел сургуч над свечой и поставил печать. Когда его рука прошла рядом с моей, пальцы почти коснулись. Почти. Но этого почти хватило, чтобы по золотой прожилке под кожей прошла горячая дрожь.

Я отдернула руку.

Он заметил. Конечно, заметил.

- Больно? - спросил он.

- Нет.

- Тогда почему?

- Потому что в договоре написано: каждый раз отдельно.

Он смотрел на меня несколько долгих секунд. Потом отступил. Не как побеждённый. Как человек, который действительно помнит, что только что подписал.

- Каждый раз отдельно, - повторил он.

Кайрон сложил договор, запечатал второй копией печати и убрал одну часть в кожаную папку, а вторую отдал мне. Бумага была тёплой от сургуча. Тяжёлой. Глупо, конечно, но мне казалось, что я держу не договор, а щит, хотя прекрасно знала: бумажные щиты горят быстрее деревянных.

- Теперь, когда с вопросом вашей временной казни покончено, - сказал Кайрон, - остаётся решить, как представить вас завтра леди Селене.

- Временной казни? - переспросила я.

- Я решил использовать вашу терминологию. Она груба, но экономит время.

- Очень любезно.

Рейнар взял с каминной полки перчатки и медленно надел их. Этот жест почему-то показался мне почти интимным после всего, что было. Ночью я видела его прикованным и обнажённым по пояс. Утром - с открытым шрамом. Но теперь, когда он закрывал руки чёрной кожей, я вдруг поняла, что для него перчатки были не украшением и не частью мундира. Они были стеной. Между его кожей и миром. Между желанием и последствием. Между мной и тем огнём, который уже однажды затих под моей ладонью.

- Завтра ты будешь представлена как моя личная лекарская помощница, нанятая по контракту из-за осложнений после военной травмы, - сказал он. - Ни слова о метке. Ни слова о приступах. Ни слова о прошлой ночи.

- А если леди Селена спросит, почему помощницу поселили так близко к вашему крылу?

- Скажешь, что это требование наблюдения.

- А если спросит, наблюдаю ли я вас ночью?

Кайрон чуть слышно выдохнул. Рейнар застыл на мгновение, потом медленно застегнул вторую перчатку.

- Скажешь правду.

- Какую именно? У нас их сегодня слишком много.

Он поднял глаза.

- Что ночью я опасен.

Ответ был так прост, что я не сразу нашла, чем его разбить. Ни уклонения, ни красивого фасада. Ночью я опасен. Как будто он дал мне не фразу для Селены, а ключ к себе, тяжёлый, неудобный, обжигающий. И снова сделал это так, что злиться стало труднее.

- А если она не испугается? - спросила я.

- Тогда она глупее, чем я думал.

- Или храбрее.

- Храбрость рядом со мной часто отличается от глупости только временем смерти.

- Вы очень уютный жених, господин Арден.

- Именно это я и пытаюсь объяснить Империи последние годы.

Кайрон уже направился к двери, но остановился.

- Господин, госпожа Вельс, прошу вас обоих помнить: завтра будет не лекарский осмотр и не семейный разговор. Леди

Селена умна. Лорд Эдрик предупредит её. Она будет искать слабое место. Не давайте ей больше, чем необходимо.

- Слабое место у нас одно, - сказала я. - Оно носит мундир и плохо реагирует на хамство.

- Ошибаетесь, - ответил Кайрон, глядя уже не на Рейнара, а на меня. - С сегодняшнего дня слабых мест два.

После его ухода в библиотеке стало слишком тихо. Я держала договор в руках и чувствовала, что должна уйти. Просто выйти, вернуться в комнату, закрыть дверь, спрятать бумагу под подушку и хотя бы полчаса побыть человеком, а не лекарским назначением, не политической проблемой, не возможной истинной парой и не женщиной, которой дракон предсказал, что она сама попросит нарушить запрет на близость. Но ноги не двигались. Рейнар стоял у камина, в перчатках, с закрытым воротом, с мундиром, который снова превращал его в памятник самому себе. И всё равно я видела под этим шрам. Видела серебряный холод Хольма. Видела мальчика с браслетами. Видела мужчину, который сам надевает цепи. Это было нечестно. Опасные мужчины не должны становиться понятнее. Понятность разрушает безопасную ненависть.

- Ты можешь передумать, - сказал он.

- После подписания?

- Да.

- Кайрон упадёт в обморок.

- Он переживёт.

- А вы?

Рейнар посмотрел на меня. Огонь в камине отражался в его глазах, но теперь я уже не знала, где заканчивается отражение и начинается он сам.

- Я тоже.

- Лжёте.

- Да.

Ответ был настолько прямым, что я сжала договор сильнее. Бумага тихо хрустнула.

- Почему вы не хотите, чтобы я ушла? - спросила я.

- Я уже сказал.

- Нет. Вы сказали про безопасность, Вайров, метку, приступы и дом Арденов. Это всё правильные ответы. Я спрашиваю не правильный.

Он молчал. Долго. Так долго, что я успела пожалеть о вопросе, но не настолько, чтобы забрать его назад. Наконец он снял одну перчатку. Медленно, пальцем за пальцем. Положил её на каминную полку. Не подошёл ко мне. Не протянул руку. Просто показал открытую ладонь - ту самую опасную человеческую ладонь, которая ночью могла обжечь, а утром легла поверх моей у шрама.

- Потому что когда ты коснулась меня, - сказал он, - впервые за много лет мне не захотелось отступить от собственного тела.

Я не смогла ответить сразу. Слова будто ушли. В библиотеке потрескивал огонь, за окном шумел сад, где, возможно,

уже ходили люди Вайра, собирая слухи, а между нами стоял договор, запрещающий почти всё, что в этот миг казалось слишком живым. Я смотрела на его открытую руку и понимала, что именно этого нужно бояться сильнее всего. Не желания. Не красоты. Не власти. А того, что его изъян вдруг оказался не уродством, а дверью, через которую я увидела человека там, где вся Империя видела дракона.

- Наденьте перчатку, - сказала я тихо.

Он послушался. Без спора, без усмешки. И от этого стало ещё хуже.

Я вышла из библиотеки с договором в руках и уже у двери услышала его голос:

- Мира.

Я обернулась.

- Что?

- Если завтра Селена попытается унижить тебя, не отвечай сразу.

- Почему?

- Я хочу успеть насладиться её ошибкой.

На этот раз я улыбнулась первой. Не широко, не мягко, но достаточно, чтобы он увидел.

- Вы плохо на меня влияете, господин Арден.

- Сорок дней покажут, кто на кого влияет хуже.

Я закрыла дверь и только в коридоре позволила себе выдохнуть. Договор был подписан. Казнь отложена. Дом Вайр предупреждён, но не остановлен. Селена прибудет завтра. А

у меня под рукавом горела золотая метка, похожая на подпись, которую я не ставила, но которую древняя драконья магия уже, кажется, считала важнее любого договора.

И самым страшным во всём этом было не то, что я согласилась остаться в доме дракона на сорок дней. Самым страшным было то, что пункт о запрете близости, такой разумный, такой необходимый, такой тщательно выписанный на дорогой бумаге, уже начинал казаться не защитой, а пророчеством.

Глава 5. Комната рядом с его спальней

К полудню выяснилось, что договор, который должен был защитить меня от чужой власти, первым делом изменил не чужую власть, а мою комнату. Кайрон сообщил об этом почти буднично, словно речь шла не о моём перемещении ближе к человеку, чей огонь уже дважды оставлял след у меня под кожей, а о перестановке кресла из одной гостиной в другую. Он пришёл через час после подписания бумаг, принёс вторую копию договора в кожаном футляре, маленький кошель с авансом за десять дней и такое выражение лица, по которому было ясно: если я снова скажу «нет», он не удивится, но мысленно добавит к своему завещанию пару строк о том, что погиб на службе не от меча, не от яда и не от драконьего пламени, а от упрямства одной женщины из Нижних кварталов. Я сидела у окна с письмами, уже проверенными и запечатанными, и пыталась убедить себя, что золото в кошельке важнее золота на моей коже. Деньги были настоящими. Их можно было отдать матери, можно было заплатить хозяйке, купить хорошие травы, вернуть долги господину Лауру и ещё оставить достаточно, чтобы несколько недель не считать каждый кусок хлеба. Метка же была непонятной, бесполезной и опасной. Разумный человек выбрал бы кошель. Разум-

ная женщина тем более. Но моя рука лежала на столе рядом с деньгами, и я всё равно чаще смотрела не на монеты, а на манжет, под которым тонкая золотая прожилка будто ждала, когда я перестану притворяться, что она ничего не значит.

- Ваша нынешняя комната больше не подходит, - сказал Кайрон.

- Она открывается, закрывается, в ней есть кровать, вода и окно. Для человека моего происхождения это уже роскошь, почти неприличная. Чем не подходит?

- Тем, что о ней уже знают слуги, а через слуг скоро узнают люди Вайра. Кроме того, после подписания личного контракта вам нужно находиться ближе к восточному крылу. Формально - из-за возможности ночного приступа у господина Ардена. Фактически - потому что если вас попытаются вывести из дома, мы должны успеть заметить это раньше, чем вас посадят в карету.

- Как заботливо. Обычно, когда женщину переселяют ближе к спальне хозяина, объяснения короче.

Кайрон положил футляр с договором на стол и очень медленно посмотрел на меня.

- Именно поэтому объяснение будет длинным и письменным. Новая комната числится не гостевой, а служебной при лекарском наблюдении. Она соединена с малой библиотекой, внутренним коридором и купальней, но не имеет прямой двери в покои господина Ардена. Между вашей комнатой и его спальней две стены, одна кладовая для трав и

малый кабинет. Замок на вашей двери внутренний, ключ у вас. Охрана на лестнице и в галерее, не у порога. Слугам будет объявлено, что ваше размещение связано с медицинской необходимостью. Если кто-то произнесёт слово «любовница» достаточно громко, чтобы я услышал, этот кто-то отправится мыть псарни.

- А если достаточно тихо?

- Тогда я сделаю вид, что не услышал. Дом должен дышать, иначе он начинает гнить.

Я невольно посмотрела на него внимательнее. Иногда в Кайроне неожиданно обнаруживался не только управляющий, но и человек, давно живущий среди закрытых дверей и понимающий, что сплетня - это пар из котла. Запрёшь намертво - взорвётся. Выпустишь через щель - обожжёт, но дом уцелеет.

- Вы служите ему давно? - спросила я.

- Двенадцать лет.

- После войны?

- До неё. Я пришёл в дом Арденов, когда господину было двадцать. Тогда он ещё не был генералом, но уже умел входить в комнату так, будто все остальные в ней случайно.

- И вы сразу решили посвятить жизнь спасению его занавесок от огня?

Кайрон почти улыбнулся, но вовремя вспомнил, что ему платят не за радость.

- Сначала я решил, что такой человек либо уничтожит се-

бя, либо его используют до последней капли крови. Потом понял, что эти варианты не исключают друг друга. Собирай-те вещи, госпожа Вельс. Агата ждёт.

- Все мои вещи помещаются в одну сумку.
- Тогда переезд будет символическим.
- Терпеть не могу символы. Они всегда значат больше, чем нужно.

Он посмотрел на мой рукав. Очень быстро, почти незаметно, но я уже научилась замечать такие взгляды.

- Боюсь, теперь вам придётся к ним привыкнуть.

Новая комната оказалась не просто ближе к восточному крылу. Она была уже внутри его дыхания. Не буквально, конечно. Дверь не открывалась прямо в спальню Рейнара, как я успела себе представить с мрачной изобретательностью, пока Агата вела меня по галерее. Но воздух там был другой. Тише, тяжелее, насыщеннее тем самым запахом горячего камня, кожи, железа и сухих трав, который я почувствовала в первую ночь. Если прежняя комната смотрела в сад и ещё притворялась гостевой, то эта уже принадлежала внутреннему миру дома, тому самому миру, где слуги говорили шёпотом, где половицы не скрипели, потому что их слишком хорошо натирали, где на стенах висели не пейзажи и не девичьи портреты, а старые гравюры с картами сражений, схемами укреплений и изображениями драконов в человеческом облике. Не сказочных, не красивых, не радостных. Эти драконы были похожи на приговоры, которым дали крылья.

Комната была длинной, с высоким потолком и двумя узкими окнами, выходящими не в сад, а во внутренний каменный дворик, куда почти не проникало солнце. Вдоль одной стены стояла кровать под тёмным пологом, вдоль другой - шкаф, письменный стол, кресло и низкий сундук. У двери находилась полка для лекарственных принадлежностей, уже наполовину заполненная чистыми бинтами, глиняными чашами, стеклянными склянками, ступкой, ножницами, иглами и аккуратно подписанными коробками с травами. Агата объяснила, что кладовая через соседнюю дверь принадлежала раньше старшему лекарю дома, но после того как приступы участились, её держали закрытой. Теперь, по словам Кайрона, доступ к ней получала я. Меня это почему-то почти рассмешило. Накануне ночью меня едва не выставили из купальни как случайную девчонку, утром рассматривали как возможную древнюю пару, к полудню подписали контракт на сорок дней, а после обеда уже передавали ключ от лекарской кладовой рода Арденов. Быстро я поднималась по служебной лестнице. Жаль только, что лестница вела куда-то к жерлу.

- Здесь вы будете ближе, если господину станет плохо, - сказала Агата, раскладывая на кровати принесённое бельё. - Но достаточно далеко, чтобы не слышать всего.

- Всего? - переспросила я.

Она задержала руки на подушке. В таких домах старшие женщины умели лучше мужчин обходить опасные слова, но

я видела: Агата знала больше, чем любой договор.

- Ночью стены иногда кажутся тоньше, чем днём.

- Он кричит?

- Нет.

Почему-то этот ответ оказался хуже, чем «да». Крик был бы человеческим. Крик означал, что боль выходит наружу, пусть грубо, пусть страшно, но выходит. А Рейнар, судя по всему, даже боль держал при себе, как секрет дома.

- Тогда что я могу услышать?

Агата поправила покрывало, хотя оно и так лежало безупречно.

- Цепи больше не будут использовать без крайней необходимости. Господин приказал убрать их из ночной купальни до конца вашего контракта.

- Из-за меня?

- Из-за себя, я думаю.

Я не ответила. Перед глазами снова возникла его открытая ладонь у камина и слова: «Когда ты коснулась меня, впервые за много лет мне не захотелось отступить от собственного тела». Некрасиво было думать об этом в комнате рядом с его спальней. Опасно. Непрофессионально. Глупо. Поэтому я, конечно, думала.

- Агата, - сказала я, пока она ставила на стол кувшин с водой, - если я спрошу, сколько женщин до меня жили в этом крыле, вы ответите?

Она повернулась. Взгляд у неё был спокойный, но в этом

спокойствии чувствовался край.

- В качестве гостей?
- В любом качестве.
- Ни одной после смерти старой госпожи Арден.
- Его матери?
- Да.

Я не стала сразу спрашивать дальше. Не потому, что не хотела знать. Хотела. Слишком. А потому, что поняла: если Агата ответила на первый вопрос так прямо, значит, второй нужно задавать осторожнее.

- Давно?
- Шестнадцать лет.

Рейнару тогда было, если считать по словам Кайрона, что сейчас ему около тридцати двух, шестнадцать. Почти тот возраст, когда он поцеловал девушку в конюшне и оставил ожоги на её шее. Совпадение? В доме Арденов, кажется, совпадения давно не задерживались без печати и подписи.

- Она умерла от его огня? - спросила я тихо.

Агата посмотрела на дверь, потом на окна, потом на меня. Не испуганно. Скорее решая, имею ли я право на эту часть правды. Видимо, пока не имела.

- Старая госпожа умерла от болезни, - сказала она. - Долгой и настоящей. Не всё в этом доме нужно объяснять господином.

- Но многое объясняют им.
- Да. Люди любят простые причины, особенно когда про-

стая причина носит драконью кровь.

Она ушла вскоре после этого, оставив меня с ключами, бельём, договором, деньгами и комнатой, которая будто слушала моё дыхание. Я проверила все двери. Главная открывалась в коридор. Боковая - в узкий проход к лекарской кладовой. За кладовой была ещё одна дверь, запёртая с другой стороны; по расположению она, вероятно, вела к малому кабинету, а оттуда уже к покоем Рейнара. Значит, две стены, как сказал Кайрон. Две стены, кладовая и кабинет. В обычной жизни этого хватило бы, чтобы считать мужчину достаточно далеко. В моей новой - метка на руке теплела уже просто от того, что я думала о направлении, где он находился.

Я распаковала сумку, хотя распаковывать там было почти нечего. Несколько смен белья, старое рабочее платье, блокнот господина Лаура, два ножа - лекарский и обычный, маленький мешочек с сухой ромашкой, флакон с настоем от бессонницы, иглы, нитки, коробочка с солью и мамин деревянный гребень. На фоне тяжёлой кровати, резного шкафа и чистой лекарской полки мои вещи выглядели смешно, как горсть земли на мраморном полу. Я разложила их всё равно. Чужое пространство нужно было метить хоть чем-то своим, иначе оно слишком быстро начинало убеждать, что ты здесь временно не по договору, а по милости.

Потом пришли служанки с одеждой.

Их было две: рыжая, веснушчатая, с быстрыми глазами, и темноволосая, круглолицая, младше меня, наверное, лет

семнадцать. Они внесли несколько платьев на руках и старались смотреть на меня так, как смотрят на женщину неопределённого положения: достаточно почтительно, чтобы не получить выговор, и достаточно любопытно, чтобы потом рассказать всё на кухне. Рыжую звали Нелла, темноволосую - Тиана. Нелла говорила за двоих, Тиана краснела за двоих, и обе явно уже слышали по меньшей мере пять версий моей истории.

- Госпожа Агата сказала, вам нужно подобрать домашние платья, - сообщила Нелла, раскладывая ткань на кровати. - Не слишком господские, но и не служебные. Потому что вы вроде как лекарская помощница, но по личному контракту, значит, совсем как прислуга вас одевать нельзя.

- Какое тонкое несчастье для портних.

- Портнихи говорят хуже, госпожа. Они сказали, что проще было бы сшить мундир для кошки.

Тиана тихо пискнула от ужаса. Нелла прикусила язык, но поздно. Я посмотрела на неё, потом на платья. Одно тёмно-синее, закрытое, строгое. Второе серое, мягкое, почти монастырское. Третье тёмно-зелёное, с узким поясом и красивыми рукавами, слишком хорошо подчёркивающими руки и талию для простой лекарской помощницы. Четвёртое было цвета вина, и я сразу поняла, что его принесли по ошибке или из злого любопытства: в таком платье нельзя было делать вид, что ты рядом с мужчиной исключительно по медицинской необходимости.

- Кошке мундир шить проще, - сказала я. - Она хотя бы не спорит с портнихой, пока её не уколут.

Нелла облегчённо улыбнулась. Тиана выдохнула.

- Госпожа, а вы правда лечили генерала ночью? - спросила Нелла и тут же сделала вид, что поправляет складку. - Простите. Нам велели не спрашивать.

- Но не велели не умирать от любопытства?

- Нет, госпожа.

- Недоработка Кайрона.

Тиана закрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться. Нелла посмотрела на меня уже почти с симпатией. Вот так и рушатся строгие границы между классами: одна дурная шутка, и слуга понимает, что перед ним не грозная фаворитка, а такая же женщина, только временно поставленная в опасное место.

- Я лечила генерала, - сказала я. - Он был нездоров. Всё остальное, что вы слышали, скорее всего, придумали люди с плохим воображением.

- На кухне говорят, вы ведьма, - выпалила Тиана и тут же побледнела.

Нелла толкнула её локтем, но я только вздохнула.

- Если бы я была ведьмой, я бы начала с того, что наколдовала себе сон, деньги и дом без Вайров у порога.

- А любовница? - спросила Нелла и сразу сделала вид, что не спрашивала.

Я взяла тёмно-синее платье с кровати и приложила к себе.

- Если бы я была любовницей генерала, как думаешь, мне принесли бы вот это скучное синее наказание?

Нелла посмотрела на платье, потом на меня, потом на винное.

- Вам принесли бы винное.

- Вот именно. Значит, я лекарская помощница.

- Но винное тоже принесли.

- Значит, кто-то в доме хочет, чтобы слухи жили дольше.

Нелла, кажется, оценила. Тиана снова покраснела. Я выбрала тёмно-зелёное, потому что оно было достаточно приличным, чтобы не дать Селене Вайр лёгкую победу, но достаточно красивым, чтобы не выглядеть бедной родственницей при чужом брачном договоре. Синее оставила для работы, серое - для случаев, когда мне захочется умереть от тоски, винное велела убрать в шкаф и не показывать никому, особенно мне. Нелла пообещала, но по её взгляду было ясно, что платье уже успело стать участником событий, ещё даже не надетое.

Когда служанки ушли, я переоделась. Тёмно-зелёная ткань оказалась мягкой, плотной, с тонкой вышивкой по манжетам. Манжеты, к счастью, закрывали метку полностью, но я всё равно чувствовала её под ними, как чувствуют под платьем чужой взгляд. Я подошла к зеркалу. Женщина в отражении была похожа на меня и не похожа. Те же тёмные волосы, собранные без особого искусства. Те же глаза, слишком внимательные после бессонной ночи. Те же губы, кото-

рые вечно говорили раньше, чем нужно. Но платье меняло осанку. Чистая ткань, хороший крой, пояс на талии, закрытое горло - всё это делало меня не госпожой, конечно, но уже и не той помощницей, которую можно без спроса отправить держать таз у кровати больного. Я смотрела на себя и пыталась понять, радоваться этому или бояться. Бедной женщине опасно выглядеть лучше своего положения. Её сразу начинают подозревать, что положение она получила через постель, хитрость или колдовство. В моём случае, кажется, подозревали всё сразу.

Ближе к вечеру Кайрон прислал расписание завтрашнего дня. Да, именно расписание, будто я поступила не в дом дракона, а в строгую учебную коллегию для девиц с дурным характером. Завтрак в восемь. Осмотр состояния Рейнара в девять. Подготовка лекарственных записей и легенды для Селены в десять. Лёгкий обед. Прибытие леди Селены в полдень. Присутствие в малой гостиной по требованию. Никаких самостоятельных разговоров с представителями Вайр без свидетеля. Никаких выходов в парадное крыло без сопровождения. Никаких ответов на вопросы о метке, ночи, купальне, цепях и словах «истинная пара». Последние два слова были вычеркнуты, но недостаточно тщательно; я всё равно прочитала. Кайрон, видимо, тоже уставал.

Я села за стол и начала писать свои наблюдения. «Новая комната расположена достаточно близко к покоям Р.А., чтобы метка реагировала слабым теплом. Реакция усиливает-

ся при упоминании его имени и направлении к восточному крылу. Возможно, самовнушение. Возможно, магическая связь. Проверить безопасно невозможно, потому что все варианты проверки звучат как начало неприличной истории». Последнюю фразу я зачеркнула, но не до конца. Потом записала: «После контакта через ткань метка увеличилась. Боли нет. Есть тепло, иногда пульсация. При прямом контакте с кожей пациента ощущается не только жар, но и чужеродный холод в области старого шрама. Гипотеза: огонь не болен сам, его принуждают к неправильному ходу. Пациент считает себя опасным. Возможно, опасность усиливает именно страх опасности». Я перечитала и добавила: «Пациент самоуверен, раздражителен, склонен решать за других. При этом выполняет данные обещания. Это неудобно».

За стеной что-то глухо стукнуло.

Я замерла. Сначала подумала: показалось. Дом большой, старый, в нём полно людей, шкафов, дверей и тайн. Но через несколько мгновений звук повторился. Не громко. Словно тяжёлый предмет положили на стол или ладонь ударила по деревянной панели. Потом - шаги. Медленные. Размеренные. Не в коридоре у моей двери, а дальше, за кладовой и малым кабинетом. Я сидела неподвижно, перо застывало в пальцах. Шаги остановились. Тишина. Потом низкий голос, почти неразличимый сквозь стены. Я не слышала слов, но тело моё узнало голос раньше разума. Метка под манжетом согрелась.

Рейнар был там.

Две стены, кладовая и кабинет. Достаточно далеко, говорила Агата. Достаточно далеко, говорил Кайрон. Достаточно далеко, чтобы приличия могли стоять между нами, как стража на лестнице. Но голос прошёл сквозь всё это и сел мне под кожу, будто расстояние было выдумкой для людей без драконьих меток. Я резко поднялась, прошла по комнате, открыла окно. Во дворике было прохладно, пахло мокрым камнем и вечерними травами. Где-то наверху кричала птица. Обычный мир существовал в нескольких локтях от меня и не подозревал, что я стою у окна, прислушиваясь к мужчине за стеной и думаю о договоре, в котором сама велела записать запрет на близость.

Стук в соседнем кабинете повторился. Потом раздался голос Кайрона, уже отчётливее, потому что он, должно быть, стоял ближе к внутренней двери. Слова разобрать всё равно было трудно, но тон я уловила: спокойный, убеждающий. Рейнар ответил резко. Опять тишина. Потом что-то стеклянное звякнуло. Я вспомнила расписание: подготовка к завтрашнему визиту, обсуждение Селены, Вайров, легенды для меня. Возможно, они просто спорили о политике. Возможно, Рейнар злился. Возможно, жара ещё не было. Возможно. Метка стала горячее.

Я расстегнула манжет. Золотая линия на коже светилась слабо, как уголь под пеплом. Неправильно. Несправедливо. Непристойно даже. Я не прикасалась к нему. Не смотрела.

Не входила не в ту дверь. Просто стояла в своей комнате, а его огонь всё равно нашёл меня через стены. Или мой страх нашёл его? Лаурис, конечно, сказал бы что-нибудь о резонансе поля и проводимости метки. Я сказала бы проще: я начала чувствовать дракона там, где ни одна разумная женщина не должна была его чувствовать.

В дверь постучали. Я быстро застегнула манжет.

- Войдите.

На пороге стоял Рейнар.

Нет, не совсем на пороге. Он не вошёл. Остановился за чертой, будто невидимый договор лежал прямо на полу между коридором и моей комнатой. На нём уже не было мундира, только тёмная рубашка, жилет и перчатки. Волосы были убраны назад, но несколько прядей выбились у висков. Он выглядел усталым, раздражённым и слишком живым для человека, которого я только что пыталась превратить в записи на бумаге.

- Можно? - спросил он.

Спросил. Не приказал. Не вошёл. Просто стоял и ждал моего ответа. И это, как назло, действовало сильнее любого властного жеста.

- Если не будете загораться.

- Постараюсь.

- Так себе обещание.

- Другого нет.

Я отступила от двери, и он вошёл. Не глубоко, всего на

несколько шагов, оставив дверь открытой. Очень правильно. Очень прилично. Очень предусмотрительно. И от этого комната сразу стала меньше. Не потому, что он был крупным мужчиной, хотя и поэтому тоже. Просто Рейнар приносил с собой плотность. Тишину перед грозой. Жар, который пока держали под кожей. Я вдруг остро осознала свою кровать за спиной, шкаф с винным платьем, письменный стол с моими записями, расстёгнутый было манжет, который я застегнула слишком быстро. Вчера всё это были бы вещи. Сейчас каждая из них стала свидетельницей.

- Кайрон сказал, тебя переселили, - произнёс он.

- Вы же сами приказали.

- Я утвердил.

- В вашем мире есть разница?

- Есть. Приказал Кайрон. Я согласился, потому что он прав.

- Как удобно быть генералом. Даже когда другой человек двигает фигуры, считается, что вы выиграли сражение.

Он посмотрел на стол.

- Ты писала?

- Наблюдения.

- Обо мне?

- О своём состоянии.

- И обо мне.

- Вы часть моего состояния, господин Арден. К сожалению, не самая простая.

Он медленно снял перчатки. Я сразу напряглась. Он заметил и положил их на ближайший столик, не делая шага ко мне.

- Я пришёл не за этим.
- За чем?
- Сказать, что завтра тебе не обязательно присутствовать при первой встрече с Селеной.
- Кайрон написал обратное.
- Кайрон исходит из политической целесообразности.
- А вы?
- Из того, что она попытается причинить тебе боль.
- Словами?
- Сначала.

Я прислонилась к краю стола. Нужно было чем-то занять тело, чтобы оно не выдало, как сильно меня тревожит его близость без перчаток. Руки у него были спокойные, лежали открыто, но я уже знала: эта спокойная кожа может стать огнём, а может - тем прикосновением, после которого человек перестаёт отступать от собственного тела. Хуже всего, что знала это не головой. Ладонью.

- Вы предлагаете мне спрятаться, чтобы ваша невеста не сказала мне гадость?
- Я предлагаю выбрать битву, в которую стоит входить.
- Это опять ваши военные привычки. В моей жизни битвы обычно выбирали меня. Я только решала, чем бить в ответ.
- И чем бьёшь?

- Зависит от противника. Иногда словом. Иногда тазом.
- Напомни мне убрать тазы из малой гостиной.

Я улыбнулась против воли. Он тоже почти улыбнулся, но сразу стал серьезнее. Эта маленькая, почти домашняя перемена - шутка, взгляд, тишина после неё - была опаснее разговора с Эдриком. Потому что с Вайрами всё было ясно: враги, интриги, яд, улыбающиеся ножи. А вот с Рейнаром становилось неясно. Он мог быть холодным, властным, смертельно опасным, невыносимо самоуверенным. А потом вдруг шутить о тазах так, будто мы знакомы не вторые сутки, а несколько лет, и будто между нами нет договора, метки, будущей невесты и огня, который растёт от желания.

- Селена не моя невеста, - сказал он вдруг.

Я подняла глаза.

- Дом Вайр считает иначе.
- Дом Вайр считает выгодно.
- Император тоже?
- Император особенно.
- А вы?

Он посмотрел в сторону открытой двери, будто проверял, нет ли там Кайрона с очередной папкой и моральным страданием.

- Я дал согласие на переговоры до того, как понял, что состояние ухудшается быстрее. До того, как Лаурис начал говорить о полном запрете на близость. До того, как ты вошла в купальню.

- То есть я всё испортила?

- Нет. Ты сделала видимым то, что я слишком долго прятал.

- Это обычно называют «испортить», просто вежливее.

Он шагнул к окну. Не ко мне. Умный дракон. Знал, как не нарушать расстояние и всё равно заполнять собой комнату. В вечернем свете его лицо стало резче. На мгновение мне показалось, что если бы художник хотел изобразить не героя войны, а человека, который устал быть собственной легендой, он нарисовал бы Рейнара именно так: у узкого окна, с голыми руками, за две стены от спальни, в комнате женщины, которой он запретил приближаться и к которой всё равно пришёл.

- Я не хочу жениться на Селене, - сказал он. - И не хотел. Но брак с домом Вайр закрывал бы слишком много старых долгов. Восточные провинции, военные поставки, влияние в совете. После Хольма у меня осталось меньше союзников, чем врагов. Роду нужен наследник, совету - уверенность, императору - управляемый дракон. Селена подходила всем.

- Кроме вас.

- Моё удобство никого особенно не занимало.

- А её?

Он не ответил сразу.

- Думаю, Селену её собственное удобство занимает больше, чем моё.

- Вы её знаете?

- Достаточно.

- Красивая?

Вопрос получился глупым, и я сразу пожалела. Но было поздно. Рейнар повернул голову, и в его взгляде мелькнуло что-то такое, от чего мне захотелось одновременно выругаться и спрятаться за собственным блокнотом.

- Да.

- Умная?

- Очень.

- Холодная?

- Да.

- Вам нравятся холодные женщины?

- Раньше я думал, что рядом с ними безопаснее.

Ответ был слишком прямым. Я отвела взгляд первой. Дурацкая ревность, которую я не имела права чувствовать, шевельнулась внутри, как кошка в мешке. Селена Вайр. Красивая, умная, холодная. Подходящая всем. Женщина, которую можно поставить рядом с генералом без стыда за происхождение, платье, манеры и язык. Женщина, которая, вероятно, никогда не сказала бы «нет» шесть раз за утро и не вошла бы в комнату, где её обсуждают мужчины. Или вошла бы, но так, что все решили бы, будто это они её пригласили.

- Тогда я для вас слишком опасна, - сказала я.

- Да.

- Потому что не холодная?

- Потому что ты злишься, когда боишься. Потому что го-

воришь правду до того, как понимаешь цену. Потому что не смотришь на меня как на героя, чудовище или выгодный брак. И потому что, когда ты касаешься меня, огонь не исчезает. Он перестаёт быть врагом.

Я молчала. После таких слов язвить становилось трудно, а молчать - ещё труднее. Я смотрела на его руки у окна. Без перчаток. Большие, сильные, с тонкими старыми шрамами на костяшках. Руки, которые обожгли девушку в шестнадцать. Руки, которыми он, наверное, держал мечи, приказы, поводья, цепи, собственную боль. Руки, которых он боялся. Я должна была смотреть на них как лекарь. Оценивать цвет кожи, напряжение сухожилий, риск вспышки. Вместо этого думала, каково было бы, если бы эти пальцы коснулись моего запястья не в приступе, не при осмотре, не через ткань, а просто потому, что я сама позволила. Мысль была настолько отчётливой, что я резко взяла чашку со стола и сделала глоток давно остывшего настоя. Горько. Правильно. Очень полезно для отрезвления глупых женщин.

- Вы пришли сказать, чтобы я не выходила к Селене, - напомнила я.

- Да.

- Я выйду.

- Я понял.

- Даже спорить не будете?

- Буду, если это что-то изменит.

- Не изменит.

- Тогда берегу силы. Завтра они понадобятся.

Он повернулся от окна, и мы снова оказались лицом к лицу через несколько шагов комнаты. Открытая дверь всё ещё была на месте, договор тоже, весь дом, наверное, дышал вокруг нас, но в этот миг я отчётливо поняла, почему Агата сказала, что стены ночью становятся тоньше. Дело было не в стенах. Дело было в том, что некоторые расстояния перестают работать, когда оба знают о возможности прикосновения.

- Есть ещё одно правило, - сказал он.

- Моё или ваше?

- Моё. Если во время встречи с Селеной метка начнёт болеть, ты уходишь.

- Она не болит.

- Если начнёт.

- Почему должна?

- Дом Вайр использует холодную магию. Не такую, как Хольм, слабее, тоньше, но её достаточно, чтобы раздражать шрам. Если Селена привезёт семейные артефакты, твоя метка может отреагировать.

- Вы подозреваете, что Вайры связаны с вашим ранением?

- Я подозреваю всех, кто получает выгоду от моей слабости.

- Разумно.

- И тебя это тоже касается.

Я вскинула брови.

- Вы подозреваете меня?

- Нет. Но если кто-то поймёт, что через тебя можно влиять на мой огонь, тебя попробуют использовать как поводок. Сначала словами. Потом страхом. Потом болью.

Внутри стало неприятно пусто. Поводок. Вот наконец слово, которое всё это время пряталось между договором и меткой. Не пара, не совместимость, не чудо, не лекарство. Поводок. Если Рейнар был драконом, которого Империя хотела удержать у трона, я могла стать самым удобным ошейником, потому что он сам потянулся бы туда, где моя рука гасила его боль.

- Вы поэтому хотели, чтобы я ушла? - спросила я.

- В том числе.

- И поэтому не хотите, чтобы я видела Селену?

- Я не хочу, чтобы Селена видела тебя достаточно долго, чтобы понять.

- А если уже поняла по Эдрику?

- Тогда завтра она будет улыбаться.

- Мне?

- Нет. Мне. А смотреть на тебя.

Я представила леди Селену. Красивую, холодную, умную. Представила, как она входит в этот дом, где уже пахнет невестой и другой женщиной одновременно. Представила её взгляд на моём платье, на моих руках, на том расстоянии, которое Рейнар будет пытаться держать между нами слишком тщательно. И поняла: Кайрон прав. С завтрашнего дня слабых мест у дома Арденов два. Только одно носит мундир,

а второе пока учиться стоять прямо в дорогом платье.

- Тогда пусть смотрит, - сказала я. - Если она умная, прятаться от неё бесполезно. А если она холодная, я хотя бы увижу, где лёд тоньше.

- Это безрассудно.

- Конечно. Но вы ведь уже подписали договор с женщиной отвратительного характера.

Он смотрел на меня так, будто хотел сказать ещё что-то. Возможно, опять предупредить. Возможно, приказать. Возможно, попросить. Но вместо этого взял со столика перчатки и надел их. Я почти физически почувствовала, как между нами опустилась заслонка. Не окончательная. Временная. До следующего жара.

- Отдыхай, - сказал он. - Завтра будет трудно.

- Вы тоже.

- Я редко отдыхаю.

- Это не достоинство, господин Арден. Это дурная привычка людей, которые думают, что мир без них развалится.

- А он развалится?

- Нет. Но Кайрон будет очень недоволен качеством развалин.

Он усмехнулся. Уже у двери, не оборачиваясь полностью.

- Если ночью услышишь что-то, не приходи.

- Что именно я могу услышать?

Он застыл. Вот теперь Агатины слова вернулись ко мне со всей своей тяжестью: стены ночью тоньше, но не всё стоит

слышать.

- Меня, - сказал Рейнар.

- В каком состоянии?

- В таком, в котором я могу попросить то, чего не должен просить.

Метка под рукавом вспыхнула так резко, что я сжала край стола. Он увидел движение. Конечно, увидел. И лицо его изменилось - не стало мягче, нет, скорее строже, будто он только что получил подтверждение собственному страху.

- Не приходи, - повторил он.

- А если вам станет хуже?

- Позови Агату. Позови Лауриса. Позови Кайрона. Не входи одна.

- Вы только что назначили мне трёх взрослых няnek.

- Я назначил тебе три двери между тобой и моей слабостью.

- А если ваша слабость начнёт ломать двери?

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. Потом тихо сказал:

- Тогда запри свою.

И ушёл.

Я закрыла дверь не сразу. Стояла и смотрела в пустой коридор, где ещё будто держалось его тепло. Потом всё-таки повернула ключ в замке. Звук был маленький, почти смешной. Щёлк. Вот и вся моя крепость. Деревянная дверь, внутренний замок, договор в футляре и собственная гордость,

которая сегодня трудилась больше, чем весь дом Арденов.

Вечер опустился медленно. Сначала потемнел каменный дворик за окнами, потом в коридорах зажгли лампы, потом где-то далеко пробили часы. Мне принесли ужин, и Нелла вместе с подносом принесла новые слухи, хотя очень старалась сделать вид, что принесла только тушёное мясо, хлеб, сыр и травяной чай. По её словам, лорд Эдрик уехал недовольный, но целый, что уже само по себе показалось слугам удивительным. По словам конюхов, дракон едва не спалил библиотеку. По словам кухонной девки, я голой рукой остановила пламя. По словам прачки, я вообще была тайной женой генерала, вернувшейся из мёртвых. Эта версия мне понравилась больше остальных: в ней хотя бы было достоинство.

- А что говорят о леди Селене? - спросила я, ковыряя мясо вилкой.

Нелла сразу сделала серьёзное лицо человека, которому доверили государственную тайну.

- Что она красивая, как зимнее озеро. И такая же добрая к тем, кто туда провалился.

- Приятная женщина.

- Её служанки однажды уволили за то, что она неправильно прогрела перчатки перед балом. Не выгнали просто, а отправили в имение, где старые леди держат больных собак. Это хуже кухни, говорят.

- За перчатки?

- Дом Вайр очень строгий.

- Дом Вайр очень мерзкий, судя по всему.

Нелла просияла от счастья, что я сказала это первой, а значит, ей можно хотя бы глазами согласиться.

- Господин Кайрон велел нам не пугать вас.

- Он переоценивает вашу силу. Меня сегодня пугали профессионалы.

После ужина я попыталась читать одну из книг из малой библиотеки, которую Агата разрешила взять. Книга оказалась хроникой о драконьих родах. Сухая, тяжёлая, написанная так, будто автор боялся, что хоть одна живая фраза испортит достоинство предмета. Я прочитала несколько страниц о происхождении огненной крови, браках внутри родов, случаях «редкой внешней стабилизации» и быстро поняла, что древние учёные умели превращать любое чудо в скуку. Но один абзац заставил меня остановиться. Там говорилось, что у некоторых драконов после тяжёлых ран или проклятий возникала «разорванная циркуляция внутреннего пламени», и в редчайших случаях рядом появлялся человек, способный «временно принимать избыточный жар через знак согласия крови». Последняя фраза была вымарана в старом экземпляре, но не до конца. Ниже кто-то, вероятно прежний хозяин книги, оставил пометку на полях: «Не лечить как болезнь. Связь усиливается вниманием». Я прочитала это трижды.

Связь усиливается вниманием.

Я закрыла книгу.

Прекрасно. То есть думать о Рейнаре было не просто глупо, а, возможно, магически вредно. Это многое объясняло и ничего не решало, потому что запретить себе думать о человеке обычно можно только в том случае, если рядом есть другой, ещё более неприятный человек, о котором приходится думать сильнее. Завтра на эту роль прибудет Селена Вайр, и, пожалуй, впервые за день я почти обрадовалась её приезду.

Ночь пришла без спроса. В богатых домах ночь не падает, как в Нижних кварталах, где темнота быстро забивает улицы, щели, окна и бедные комнаты. Здесь она входила постепенно: через высокие окна, через тени на гобеленах, через слуг, гасивших лишние лампы, через затихшие шаги. Я легла, но полог не закрыла. Слишком уж он напоминал ловушку. Договор лежал под подушкой, нож - под рукой, блокнот - на столе. Метка под манжетом, который я не стала расстёгивать, почти не грела. Я долго смотрела в потолок и слушала дом. Где-то далеко закрылась дверь. Потом ещё одна. Шаги стражника прошли по галерее, отдалились. Тишина стала глубже. И в этой глубине я вдруг услышала то, о чём предупреждала Агата.

Сначала - ничего страшного. Просто удар. Глухой, сдержанный, будто кулак встретился со столом или стеной. Потом скрип дерева. Потом шаги. Те самые, тяжёлые, неровные. Не в коридоре. За стенами. В направлении покоев Рейнара.

Я села в кровати.

Метка потеплела.

- Нет, - сказала я в темноту. Себе, ему, древней магии, всем сразу. - Даже не начинайте.

За стеной что-то звякнуло. Не цепь. Другой звук. Металл о камень, коротко и зло. Потом тишина. Я ждала, считая удары собственного сердца. Десять. Двадцать. Тридцать. Может, всё прошло. Может, он уронил подсвечник. Может, это вообще был не он. Может, я просто стала такой дурой, что слышу дракона в каждом стуке.

Потом сквозь стены донёсся голос.

Я не разобрала слов. Только низкий, сорванный звук, слишком глухой, чтобы быть криком, и слишком живой, чтобы быть обычным разговором. Моя метка вспыхнула. Уже не теплом - жаром. Я скинула одеяло, встала, подошла к двери и положила ладонь на ключ. Дверь была заперта изнутри, как он просил. Как он приказал? Нет, как попросил. «Если ночью услышишь что-то, не приходи». «Если ваша слабость начнёт ломать двери?» «Тогда запри свою».

Я стояла у двери босиком, в одной ночной сорочке, с горящей рукой и таким сердцем, будто оно собиралось выбить мне рёбра. Разум говорил: позови Агату. Позови Лауриса. Позови Кайрона. Три двери между тобой и его слабостью. Так он сказал. Так правильно. Так безопасно. Так написано в договоре, если не буквами, то смыслом. Каждый контакт отдельно. Никаких ночных визитов. Никаких решений под

давлением приступа.

За стеной снова раздался звук. На этот раз я разобрала слово.

- Мира.

Не громко. Не приказ. Не зов даже. Скорее выдох, сорвавшийся там, где человек уже не смог удержать имя внутри. От этого стало хуже, чем если бы он закричал. Крик можно было бы списать на боль. Имя - нет.

Я закрыла глаза и прислонилась лбом к двери. Дерево было прохладным. Метка горела. В коридоре за дверью было тихо, но где-то дальше, за двумя стенами, кладовой и малым кабинетом, дракон, которому нельзя было желать, впервые за ночь позвал меня так, будто я уже стала частью его жара.

Ключ лежал под моей ладонью.

И я ещё не знала, поверну его или нет.

Глава 6. Три двери до дракона

Я не повернула ключ сразу.

Это было, наверное, самым разумным поступком за весь день, и именно поэтому он дался мне хуже всего. Разумные поступки вообще редко бывают похожи на победу. Они больше напоминают удержанный крик, несказанное слово, руку, которую ты заставила остаться на месте, хотя вся кровь уже бросилась к двери. Я стояла босиком на холодном полу, в ночной сорочке, с пальцами на металлической головке ключа и слушала, как за двумя стенами, кладовой и малым кабинетом человек, которому я сегодня велела спрашивать трижды, произносит моё имя так, будто даже одного раза было слишком много. Не приказ. Не требование. Не та властная сухость, от которой слуги в доме Арденов становились прямее свечей. Просто низкий, сдавленный выдох, сорвавшийся там, где, видимо, кончалась его гордость и начинался огонь.

Метка на руке горела.

Не так, как горит ожог. Ожоги я знала хорошо: они пульсируют болью, стягивают кожу, требуют холода, мази, чистой ткани и проклятий в адрес всех печей на свете. Это было другое. Под кожей будто проснулась тонкая золотая нить и потянулась куда-то за стену, сквозь дерево, камень, коридор, чужие запреты, мой подписанный договор и остатки зд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.